

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

Гайдаровская реформа
четверть века спустя:
что пошло не так?

Препринт М-48/16

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2016

ББК 63.3(2) + 66.1(2)

УДК 94(47+57)

Т 65

Т 65 Травин Д. Я.

Гайдаровская реформа четверть века спустя: что пошло не так? / Дмитрий Травин: Препринт М-48/16 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 62 с. — (Серия препринтов; М-48/16; Центр исследований модернизации).

Подходит четвертьвековой юбилей гайдаровской реформы. За 25 лет Россия не стала вполне рыночной и демократической страной, и это позволило авторитарному режиму навязать обществу свои правила игры. Те правила, которые породили кризис. Невозможно отрицать связь между нынешними институтами и событиями, происходившими в стране в 1990-е гг. Однако задача научного анализа состоит не в том, чтобы вынести вердикт по реформе и определить виновных, а в том, чтобы понять логику развития, логику модернизации. В данном докладе предлагается методология такого подхода. Образно назовем ее методом «четырех И». Идеи, Интересы, Исторический путь, Институты. Только во взаимосвязи этих четырех терминов можно понять то, чем была для России реформа, осуществленная Егором Гайдаром четверть века назад.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПб); dtravin61@mail.ru.

Подходит четвертьвековой юбилей гайдаровской реформы. Хотя за минувшее время печальные советские экономические реалии (в частности, всеобъемлющий дефицит товаров) стали забываться, юбилей становится не столько поводом отметить успех реформ, сколько основанием для серьезных размышлений о связанных с ней проблемах. Преобразования, сделавшие нашу экономику более-менее нормальной и давшие людям массу новых возможностей, постоянно вызывают критику. Причем если в 1990-е гг. критика в основном шла со стороны тех, кто считал гайдаровскую реформу слишком радикальной, то ныне она все чаще раздается со стороны тех, кто не удовлетворен сложившейся у нас в пореформенный период системой институтов. Россия оказалась недостаточно рыночной и недостаточно демократической, что позволило авторитарному режиму навязать обществу свои правила игры. Те правила, которые в конечном счете породили сегодняшнюю кризисную ситуацию.

Данная проблема действительно имеет место. Было бы нелепо отрицать связь, существующую между нынешними институтами и событиями, происходившими в стране в 1990-е гг. Однако задача научного анализа состоит не в том, чтобы вынести вердикт по реформе и определить виновных, а в том, чтобы понять логику развития, логику модернизации. Нельзя просто проанализировать ход реформ и сделать вывод: это, мол, нам нравится, а это — нет. В данном докладе предлагается иная методология. Образно назовем ее методом «четырёх И». Идеи, Интересы, Исторический путь, Институты. Только во взаимосвязи этих четырех терминов мы можем понять то, чем была для России реформа, осуществленная Егором Гайдаром четверть века назад.

Ключевые идеи российских реформ

Эпохой серьезных ментальных перемен в Советском Союзе (России, в частности) стали 1980-е гг., когда в схватку между собой вступили самые разные идеи. В течение этого десятилетия скончался Леонид Брежнев (1982 г.), на протяжении 18 лет возглавлявший страну. Затем пришел к власти Михаил Горбачев (1985 г.), начавший реальную трансформацию СССР («перестройку»). В период правления Горбачева был подготовлен первый комплекс экономических реформ (1987 г.). Эти преобразования столь сильно повлияли на советское общество и столь сильно обострили противоречия, что Советский Союз в итоге распался (1991 г.).

Происходившие на протяжении десятилетия события стали настоящим сильным шоком для населения страны. Советские граждане, сталкиваясь с переменами, вынуждены были, так или иначе, осмысливать происходящее и формировать свое мнение о том, как жить дальше. Мнение это формировалось на базе четырех основных блоков идей, существовавших на тот момент в СССР: ортодоксально-коммунистических, реформистско-социалистических, рыночно-капиталистических и национал-патриотических (имперских). Рассмотрим каждый из этих блоков подробнее.

Ортодоксально-коммунистические идеи

Суть этого комплекса идей состояла в следующем. Существовавший в СССР социалистический строй является лишь первой фазой коммунистического общества. Благодаря развитию производительных сил мы сможем со временем сформировать материально-техническую базу коммунизма. Жить станем значительно лучше и благодаря этому в конечном счете перейдем к коммунистической системе труда и распределения благ: от каждого по способностям — каждому по потребностям. Развитие производительных сил, способное обеспечить реализацию столь амбициозной цели, осуществляется на базе плановой (административной) экономики, в которой отсутствуют традиционные недостатки капитализма (кризисы перепроизводства, безработица, инфляция, высокая дифференциация доходов населения). Социализм значительно эффективнее, чем капитализм, распоряжается ресурсами и потому в экономическом плане догоняет и перегоняет его [Румянцев 1977; Цаголов 1974].

Подобный комплекс идей был привлекателен для многих советских граждан на протяжении 1920–1950-х гг. Поколения, сформировавшиеся непосредственно перед революцией 1917 г., а также в первые десятилетия

после нее, хотели верить в лучшее будущее. Им казалось, что ударный труд способен в исторически короткие сроки (но не мгновенно, естественно!) радикально трансформировать социальный строй. Более того, в ходе революции и сталинской индустриализации были созданы своеобразные социальные лифты, которые некоторой части населения помогли существенно повысить уровень жизни. Миллионы крестьян перебрались из полуголодной деревни в город, став рабочими на заводах и гарантировав себе тем самым как минимум выживание [Трудолюбов 2015, с. 16–17]. Некоторые из них смогли устроиться в городе на административную работу, позволявшую иметь стабильный паек и приличное жилье. А массовые репрессии «расчистили место» для умелых карьеристов и позволили небольшой части горожан стать представителями советской номенклатуры — новой элиты, пользовавшейся всеми благами тоталитарной системы.

Однако к началу 1980-х гг. люди, выигравшие от советской власти, либо уже скончались, либо пребывали на пенсии и все меньше влияли на политическую жизнь. Члены брежневского политбюро, являвшиеся в основном представителями революционного и сталинского поколений [Hough 1980], один за другим уходили в мир иной, расчищая дорогу преемникам. А те уже не имели серьезных оснований смотреть с оптимизмом на перспективы строительства коммунизма.

Причин для этого было несколько.

Во-первых, для новых поколений советских людей перестали работать сталинские социальные лифты. Массовые репрессии прекратились со смертью Сталина (1953 г.). Советская номенклатура почувствовала себя спокойнее. Никто больше ее целенаправленно не уничтожал. Она старилась на своих рабочих местах и тем самым тормозила продвижение следующего эшелона советских карьеристов.

Переселение из деревни в город продолжалось, но снижающимися темпами. Бывшие крестьяне по-прежнему могли, получив работу в крупном промышленном центре, почувствовать себя по-настоящему успешными людьми, но для горожан во втором и третьем поколениях подобное ощущение уже оказывалось невозможно. Они были в основном обеспечены материальными благами (продуктами питания, одеждой, жильем, мебелью), но понимали, что к концу своей жизни будут иметь примерно то же самое, что было у них в ее начале.

Во-вторых, к 1980-м гг. стало ясно всем здравомыслящим людям, что никакого коммунизма с принципом «от каждого по способностям — каждому по потребностям» построить не удастся. Образованные люди расстались с иллюзиями такого рода и стали жить сегодняшним днем, пред-

почитая «синицу в руке, нежели журавля в небе». Распространенный в 1970-х гг. лозунг «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» практически никто уже всерьез не воспринимал, поскольку слишком очевидно было, что многочисленные проблемы страны не могут быстро быть решены даже в самом лучшем случае.

В-третьих, эти проблемы наглядно свидетельствовали о том, что действующая административная модель управления экономикой несовершенна и нуждается в каких-то преобразованиях. Простые люди не могли знать, какие конкретно преобразования следует осуществлять, но ежедневный опыт хождения в магазин за продуктами питания и за товарами широкого потребления наводил миллионы людей на мысль, что дальше ничего хорошего нас не ждет (во всяком случае, при Брежневе и подобных ему правителях). Почти по всей стране население испытывало острый дефицит товаров, причем в провинции положение было особенно тяжелым. Там потребители часто не могли добыть для себя самых необходимых вещей, в том числе мяса, колбасы, молочных продуктов, свежих овощей и фруктов [Вишневецкая 1994, с. 436; Дедков 2005, с. 129, 176, 182, 315, 324; Травин 2010, с. 16–37; Черняев 2008, с. 341; Чурбанов 2007, с. 8].

В-четвертых, высокопоставленные советские и партийные работники, которые, казалось бы, должны были быть в наибольшей степени заинтересованы в сохранении старой системы и ее идеологии, на практике стремились закрепить те привилегии, которыми давно уже обладали [Восленский 2005]. Но этого невозможно было добиться, не меняя принципиальным образом систему институтов и не реабилитируя частную собственность. Поэтому советская элита в душе становилась даже более антисоветской, чем миллионы простых граждан, не имевших никаких привилегий.

В совокупности все эти факторы к началу 1980-х гг. делали ортодоксально-коммунистическую идею непривлекательной для населения СССР.

Формально старый тезис о построении коммунизма поддерживался советской идеологической машиной. От него не отказывались, даже несмотря на очевидную несбыточность декларируемых идей. С детских лет молодой человек находился под воздействием коммунистической системы промывания мозгов. Ему твердили о величии идей, провозглашенных Октябрьской революцией 1917 г., о том, как быстро мы догоняем капиталистические страны в экономическом плане, и о том, что жизнь в СССР уже сейчас значительно лучше жизни простых тружеников Западной Европы и Америки. Однако сами пропагандисты, как правило, не верили

в то, что пытались вдолбить в головы советских обывателей. Советские партийные работники, преподаватели марксизма-ленинизма и представители средств массовой информации с полным безразличием относились к тому, верит ли население их словам. Неудивительно, что эффективность работы системы агитации и пропаганды оказывалась в такой ситуации крайне низкой.

Таким образом, несмотря на формально сохраняющийся курс на строительство коммунизма, реально комплекс идей, с ним связанный, был не слишком популярен в обществе. Интеллектуалы пытались искать ортодоксально-коммунистическому мировоззрению какую-нибудь альтернативу. Малообразованные обыватели были ко всему безразличны, но при этом внутренне готовы воспринять альтернативную точку зрения, поскольку сильно страдали от дефицита товаров. И лишь сравнительно небольшое число фанатично мыслящих людей (как правило, пожилых и сильно любящих Сталина) не желало отказываться от своего традиционного мировоззрения.

Реформистско-социалистические идеи

Все чаще проявлявшийся скепсис в отношении административной экономики и ортодоксально-коммунистической идеологии не означал, что советское общество в принципе готово было отказаться от социалистического курса. Идеи справедливости и равенства по-прежнему продолжали привлекать большое число людей. У многих сохранялось представление, будто бы в ходе строительства социализма были допущены серьезные ошибки (в первую очередь Сталиным и его приспешниками), которые и привели к формированию неэффективной экономической модели, однако в целом хорошая идея, предложенная Марксом, Энгельсом и Лениным, не должна быть отвергнута из-за отдельных провалов.

Для понимания этого следует иметь в виду, что в СССР после смерти Сталина высказывались различные мысли о том, как следует развиваться социализму, но любая капиталистическая пропаганда была строго запрещена. Туристы и деловые люди крайне редко ездили на Запад из Советского Союза, а книги и пресса, объективно рассказывавшие о жизни за железным занавесом, были практически недоступны [Герман 2000, с. 407, 415–417, 426; Красухин 2008, с. 457–458].

Соответственно, мыслящие люди могли воспринимать и обсуждать между собой (хотя бы тайком, на кухнях своих квартир) разные варианты построения социализма, но капитализм с кризисами, безработицей,

инфляцией и сильной дифференциацией доходов между богатыми и бедными часто даже образованным людям казался уже давно пройденным этапом. Двигаться «в прошлое» советский человек, мало информированный о современном западном «государстве всеобщего благосостояния», не хотел. Ему представлялось, что можно как-то совместить преимущества социализма с преимуществами рыночной экономики и сформировать оптимальную модель развития — с одними достоинствами и без каких-либо недостатков.

Особенно широко идеи реформирования социализма распространялись в так называемом поколении шестидесятников [Вайль, Генис 1996; Травин 2009, с. 10–93; Фирсов 2008; Zubok 2009]. К их числу относят, как правило, тех людей, которые вступали во взрослую сознательную жизнь после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС, на котором Никита Хрущев разоблачал сталинизм. В отличие от старших поколений, шестидесятники не успели прочно связать себя со сталинизмом. Они не делали карьеры в эпоху массовых репрессий, не занимали руководящих постов, на которых раньше находились убитые Сталиным люди. В детстве шестидесятники, естественно, должны были придерживаться норм сталинской пропаганды, но под воздействием идей хрущевской оттепели им нетрудно было отказаться от старого идеологического хлама. Многие люди из этого поколения говорили, что искренне плакали в день похорон Сталина, но уже через несколько лет отвергали его как тирана и убийцу.

Идеи реформаторского социализма легко распространялись среди шестидесятников, в том числе и потому, что считалось, будто бы Сталин коренным образом пересмотрел идеи Ленина, исказил их и даже извратил. А поскольку Ленин по-прежнему оставался самым главным символом советской страны и наиболее уважаемой фигурой из пантеона советских вождей, идеи обновления социализма получали «высочайшую легитимацию». Миллионы людей могли в 1960-х гг. сказать, что они за Ленина против Сталина. И подобная точка зрения не считалась антисоветской.

Мифологизация Ленина на фоне демонизации Сталина сформировала в годы хрущевской Оттепели мечту о социализме с «человеческим лицом». Для широких масс населения, плохо разбиравшихся в экономике, подобный социализм означал прекращение массовых репрессий, народный энтузиазм (такой как, скажем, при освоении целинных земель Казахстана), некоторую демократизацию партийной жизни и некоторую либерализацию культуры, где в годы Оттепели появился целый ряд талантливых произведений. При этом для людей, профессионально разбиравшихся в экономике, социализм «с человеческим лицом» означал не только деста-

линизацию в политической и культурной областях, но и серьезное реформирование хозяйственной системы.

В реформаторски настроенных кругах не вызывало сомнения, что социалистические предприятия должны в новых хозяйственных условиях получить больше самостоятельности, чем при старой административной (сталинской) экономике. В ходе так называемой косыгинской реформы была осуществлена попытка предоставить предприятиям некоторую (очень небольшую) самостоятельность [Андриянов 2003; Млечин 2005, с. 347–390; Травин 2010, с. 63–67; Травин, Маргания 2011, с. 531–544; Фетисов 1997, с. 118]. Сложнее было определиться с использованием при социализме рыночных механизмов функционирования экономики.

В Югославии к 1960-м гг. уже действовал рыночный социализм, который позволил наполнить прилавки товарами, но при этом обернулся такими «неприемлемыми чертами капитализма», как инфляция и безработица. В Чехословакии на волне реформ, провозглашенных Пражской весной (1968 г.), также шло движение к рыночному социализму, хотя мы не можем сейчас знать, чем бы оно завершилось, поскольку преобразования были прерваны вторжением советских танков. В Венгрии некоторые элементы рынка удалось внедрить после 1968 г. в рамках стратегии так называемого «гуляшного социализма», но они были весьма ограниченными, поскольку реформаторы в этой стране опасались раздражить советское руководство и повторить печальную судьбу Чехословакии. Наконец, следует отметить, что в Польше с довоенных времен сохранялся большой аграрный частный сектор, хотя значительного воздействия на общий ход функционирования экономики это не оказывало [Травин, Маргания 2004, кн. 2].

В Советском Союзе после истории с Пражской весной всякие попытки реформирования были прекращены примерно на 20 лет. Однако поколение шестидесятников, сформировавшееся в годы Оттепели, никуда не делось. Представления о необходимости придать социализму человеческое лицо остались в сознании интеллектуалов. Они не могли вплоть до начала перестройки публично обсуждать необходимость рыночных элементов в экономике, не могли писать статьи об этом в научной прессе и рассказывать студентам на лекциях о югославском или венгерском опыте хозяйствования. Однако в кухонных разговорах и на неофициально («подпольно») проводимых научных семинарах идеи «социализма с человеческим лицом» продолжали обсуждаться.

Более того, увлечение молодости, нереализованное из-за консерватизма брежневского режима, наложило столь сильный отпечаток на сознание

целого ряда интеллектуалов-шестидесятников, что это поколение в целом оказалось более восприимчиво к идеям реформаторского социализма, чем к идеям формирования рыночной экономики капиталистического типа. Шестидесятники не могли из-за цензурных запретов глубоко изучить не слишком удачный опыт функционирования югославской экономики, а потому мифологизировали его. Им хотелось рано или поздно сформировать в СССР оптимальный социальный строй, сочетающий преимущества социализма с преимуществами рынка. Полного возврата в капитализм они не хотели.

К началу 1980-х гг. реформаторски настроенные шестидесятники были в СССР чрезвычайно влиятельны. Они занимали командные высоты в науке, поскольку ученые-сталинисты старших поколений уже скончались или сильно состарились. Шестидесятники доминировали в культуре (литература, театр, кино), поскольку именно их смелые произведения пользовались популярностью у миллионов читателей и зрителей. Они составляли большую часть советского директорского корпуса, которому идея самостоятельности чрезвычайно нравилась.

Наконец, шестидесятники постепенно пробивались на самый верх партийного руководства. Сам Горбачев, бесспорно, относился к данному поколению [Горбачев 1995; Горбачев 2012; Грачев 2001]. Вместе с ним к началу перестройки в партийных верхах имелось еще несколько человек, настроенных на реформирование социализма. Став генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев усилил позиции этой группы и серьезно ослабил позиции консерваторов ортодоксально-коммунистического типа. Более того, объявив перестройку, он получил широкую поддержку шестидесятников в науке, культуре и на производстве. Тем самым Горбачеву на некоторое время удалось дать простор для реализации идей реформаторского социализма в СССР. Данное направление, бесспорно, было во второй половине 1980-х гг. значительно популярнее ортодоксально-коммунистического и имело шанс на успех.

Рыночно-капиталистические идеи

Пропагандировать в той или иной форме капитализм в СССР запрещалось, поэтому даже в годы хрущевской Оттепели официальных сторонников этой социально-экономической системы не имелось. Более того, контакты между Советским Союзом и странами, находившимися к западу от железного занавеса, были весьма ограниченными. Взглянуть своими глазами на то, как живут капиталистические государства, есть ли там дей-

ствительно те ужасы, о которых постоянно твердила советская пропаганда, подавляющее большинство граждан (и даже подавляющее большинство столичных интеллектуалов) не имело возможности. Серьезные научные книги о рыночной экономике крайне редко переводились на русский язык и поступали в продажу. Книги на иностранных языках имелись в крупных библиотеках Москвы и Ленинграда, но были слабо востребованы, а кроме того, часто находились в отделах специального хранения, куда рядовой читатель никак не мог попасть без особого разрешения.

Тем не менее к началу 1980-х гг. некоторое число советских граждан готово было воспринять капитализм и рынок в чистом виде. Это оказалось связано со сменой поколений, а также с тем, что советская идеология уже не могла препятствовать неформальному проникновению новых идей в сознание граждан.

Особенно восприимчивым к идейным новациям оказалось новое поколение — поколение семидесятников [Травин 2011; Травин 2015а; Травина 2009; Травина, Травин 2010; Гельман, Травин 2013; Gel'man, Margania, Travin 2014]. В отличие от давно сложившегося понятия «шестидесятники» понятие «семидесятники» не вполне утвердилось в российской научной литературе, однако его обязательно надо использовать, поскольку именно данное поколение сегодня занимает ключевые позиции в политике, экономике, журналистике и культуре. Семидесятниками мы будем называть людей, которые сформировались после подавления Пражской весны и возобладания в брежневском Советском Союзе консервативных представлений. Хрущевская Оттепель для семидесятников была лишь историей, и порожденные ею надежды на социализм с человеческим лицом они воспринимали не непосредственно в ходе обретения жизненного опыта, а лишь из рассказов родителей и учителей.

Поколение семидесятников формировалось на протяжении всех 1970-х гг. и в первой половине 1980-х. В эпоху перестройки начало формироваться уже новое поколение, настроенное более оптимистично. Отличительной чертой семидесятников являлось долго существовавшее у них представление о том, что брежневская система — это надолго, если не навсегда [Юрчак 2014], а потому не стоит слишком верить в трансформацию социализма, да и вообще в улучшение жизни общества. Надо приспособливаться к существующей в настоящий момент социально-экономической и политической системе. Понятно, что с наступлением перестройки у молодежи такого рода пессимистических представлений уже не осталось, а потому тех, кто вошел во взрослую жизнь после 1985 г., мы к числу семидесятников не относим.

Капитализм для данного поколения оказался чем-то нейтральным. Дореволюционная эпоха была от него крайне далеко. Даже родители семидесятников не жили при капитализме. В лучшем случае они могли узнать о нем из рассказов бабушек и дедушек, но, скорее всего, узнавали только из книг и кинофильмов на исторические темы. Поэтому то, что говорила про капитализм советская пропаганда (кризисы, безработица, инфляция, дифференциация доходов), не воспринималось молодыми людьми в качестве личной проблемы. А поскольку советская пропаганда была примитивной и некачественной, подраставшие семидесятники часто полагали, что ужасы рыночной экономики сильно преувеличиваются марксизмом.

При этом семидесятники имели хорошее личное представление о дефиците товаров в советских магазинах, о низком качестве советской продукции и о серьезном технологическом отставании СССР при производстве предметов широкого потребления. На этом фоне капитализм мифологизировался. Он воспринимался как мир, где все устроено очень хорошо, тогда как социализм в целом понимался как мир, где все устроено несовершенно.

Более того, семидесятники имели возможность получать некоторое (иногда искаженное) представление о том, как протекает жизнь в капиталистических странах, даже несмотря на железный занавес и отсутствие в свободном доступе серьезной литературы, рассказывающей о функционировании рыночного хозяйства и о демократической политической системе. Дело в том, что именно в 1970-е гг. на советский экран вышло много зарубежных кинолент. Такого рода развлечения не пресекались советской пропагандой, и практически все семидесятники выросли на французских и американских художественных фильмах.

Шестидесятники тоже часто увлекались зарубежным кинематографом. Но он в годы их молодости не был столь распространенным явлением, как в 1970-х. Более того, популярные фильмы 1950–1960-х гг. рисовали весьма противоречивую картину капиталистического общества. Наряду с такими привлекательными образами, которые создавались, скажем, фильмами «Шербурские зонтики» или «Мужчина и женщина», советский зритель смотрел произведения итальянского неореализма, где западный мир предстал в качестве мира несправедливости и нищеты. К 1970-м гг. неореализм практически сошел с экранов, и новое поколение получало цветную высококачественную картинку, изображающую Францию или США практически только с привлекательных сторон: почти без недостатков.

Советская цензура пыталась контролировать импорт кинематографической продукции, но делала это крайне неумело. Из фильмов вырезались эротические сцены, но все то, что формировало представление подраставших семидесятников о социально-экономической системе стран Запада, оставалось на экране.

Зритель видел, как выглядят улицы современных западных городов: обилие машин, яркой световой рекламы, нарядных улыбающихся людей. Если дело происходило в магазинах, зритель мог обнаружить, что прилавки переполнены товарами. Если дело происходило в домах и квартирах главных героев, зритель обнаруживал, насколько свободно и просторно люди живут. Им не приходилось тесниться в маленьких комнатках, как рядовому советскому человеку. Этот человек, просматривая очередной зарубежный фильм, непроизвольно сравнивал все: изобилие товаров в «их мире» с постоянным дефицитом в нашем, атмосферу постоянного праздника в «их мире» с необходимостью трудиться в унылой серой обстановке на советских заводах и фабриках.

Конечно же, мир, находящийся по ту сторону железного занавеса, на самом деле был совсем не таким замечательным, как в фильмах. Если итальянский неореализм 1950–1960-х гг. делал акцент на трудностях жизни в капиталистическом мире, то американский и французский кинематограф 1970–1980-х гг., наоборот, редко заглядывал камерой в те районы, где проживали бедняки, негры, гастарбайтеры. Мыслящий советский зритель должен был понимать, что как в коммунистической пропаганде не говорится всей правды о капитализме, так всей правды не говорится и в западных фильмах, сделанных для массового развлечения. Но большинство советских людей вольно или невольно мифологизировало представления о Западе. И чем хуже обстояло дело в СССР брежневской эпохи, тем больше этому зрителю хотелось обнаруживать хоть где-то иной мир — тот мир, к которому он стремился душой.

В наибольшей степени западное кино оказало воздействие именно на поколение семидесятников. Молодые люди выросли и сформировались, просматривая десятки американских и французских фильмов. Для них фактически не существовало никакой реальной альтернативы «киношному» капитализму как наиболее привлекательному миру. Или, точнее, пока советская система считалась единственно возможной в СССР, семидесятники послушно существовали по заданным ею условиям. Но когда в годы горбачевской перестройки произошли радикальные перемены и молодые люди стали реально размышлять о том, какая социальная система им в большей степени нравится, соблазны капитализма оказались вне конку-

ренции. Ни старый советский режим, ни плохо понятный семидесятникам мир социализма с человеческим лицом не могли быть привлекательны на фоне яркой заманивающей картинки Запада.

Впрочем, надо иметь в виду, что, поскольку в годы горбачевской перестройки страной управляли в основном представители поколения шестидесятников, рыночно-капиталистические идеи были популярны, скорее, в массах, чем в верхах. Семидесятники поначалу пребывали на вторых ролях, уступая доминирующие посты в политике, экономике, журналистике и культуре своим отцам и старшим товарищам. Лишь к 1990-м гг. и особенно к 2000-м гг. на первый план в России вышло поколение, никогда не желавшее никакой социалистической альтернативы и стремившееся в максимально возможной степени к построению общества массового потребления и широких возможностей. Это поколение было в значительно большей степени увлечено соблазном иметь множество товаров, чем соблазном иметь справедливое общество.

Национал-патриотические и имперские идеи

Выше мы рассмотрели в основном эволюцию существовавших в Советском Союзе идей с точки зрения социально-экономической. Эволюция взглядов от ортодоксально-коммунистических через реформистско-социалистические к рыночно-капиталистическим основывалась на рациональной оценке ситуации и сводилась к выбору оптимальной модели развития. Однако существовал и принципиально иной подход, при котором во главу угла ставились иррациональные моменты. Советские люди стремились не только к оптимизации своей жизни в материальном плане, но и к созданию психологически комфортной среды существования. Многие из них ничего не понимали в экономике и не способны были грамотно рассуждать о плюсах и минусах рыночного хозяйства, но при этом хотели гордиться своей страной и идентифицироваться с сильной державой, способной победить любых врагов и определять судьбы мира.

Советский человек из курса школьной истории знал, что Российская империя до революции 1917 г. была одной из крупнейших держав мира. Коммунистическая пропаганда на пару десятилетий смогла успешно дискредитировать царизм и вбить в сознание обывателя мысль о том, что империя являлась не более чем тюрьмой народов, тогда как в результате мировой революции возникнет вскоре настоящее братство всех людей от Японии до Англии, как писал один восторженный поэт сталинской эпохи. Но мировой коммунистической революции, как известно, не случилось.

Вместо этого мир во времена гитлеризма раскололся на враждующие группы, что создало реальную опасность для Советского Союза.

Сталин попеременно опасался угроз то со стороны капиталистических демократических государств, то со стороны фашизма. В любом случае старая ленинская идея о том, что интернационал трудящихся разных стран должен сражаться против буржуазии, оказывалась неработоспособна. Иностранцы могли оказаться, скорее, солдатами армий, воюющих против СССР, чем партнерами Советского Союза в борьбе против мировой буржуазии. В связи с этим Сталин постепенно стал менять советскую идеологию. Формально не отказываясь от ортодоксально-коммунистических идеалов, он приступил к реанимированию имперской идеи. Начал культивировать гордость советского человека за свою страну и на этой базе развивать советский патриотизм, который должен был стать важнейшим инструментом мобилизации широких масс в будущей войне с западными странами. При этом пролетарскому интернационализму отводилась все меньшая роль.

Особенно быстро трансформация советской идеологии осуществлялась в годы Второй мировой войны, когда был реанимирован культ старых русских героев — полководцев, генералов, адмиралов. Даже русская православная церковь оказалась частично реабилитирована в стране «победившего атеизма», поскольку многие люди, несмотря на господство марксизма, продолжали тайно верить в Бога [Хоскинг 2012, с. 212–257]. Внезапно выяснилось, что царская Россия была не только тюрьмой народов, но и родиной, за которую героически сражались лучшие люди страны. В дальнейшем культ старых героев существовал в СССР вплоть до начала горбачевской перестройки. Преемники Сталина решили не отказываться от патриотизма как важнейшего инструмента мобилизации масс, хотя и не предавали ему столь большого значения, как во времена войны.

Таким образом, трансформация ортодоксально-коммунистической идеологии в национал-патриотическую и имперскую (их долгое время не различали между собой, поскольку в СССР доминировало официальное мнение, будто бы весь советский народ от русских и украинцев до эстонцев и таджиков представляет собой единую «новую историческую общность») парадоксальным образом произошла еще при Сталине, то есть до того, как получили широкое распространение реформистско-социалистическая и рыночно-капиталистическая идеологии. Долгое время существовал своеобразный синтез коммунистических идей с имперскими. Режим не преследовал советских интеллектуалов, пытавшихся культивировать эту странную идейную смесь, в отличие от тех интеллектуалов, которые

высказывались за демократизацию в духе Пражской весны или тем более за капиталистическую реставрацию.

Национал-патриотические и имперские идеи, не разделявшиеся на практике (во всяком случае, в России) вплоть до распада СССР и возникновения острых межнациональных конфликтов, спокойно развивались на протяжении десятилетий и обретали все больше сторонников. При этом в такого рода идеологии, как ни покажется данный факт странным, социально-экономическая составляющая находилась где-то на заднем плане. Деятели советской культуры, стоявшие на национал-патриотических позициях, увлекались различными идеями, но меньше всего они размышляли о том, как должна функционировать экономика.

Важнейшей стороной данного идейного направления являлось воспевание подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны. На это выделялось больше государственных средств, чем на пропаганду старых ленинских идей пролетарского интернационализма. Постоянно появлялись десятки книг и кинофильмов о войне, возводилось множество памятников. У тех, кто специализировался на воспевании, по всей видимости, вообще не имелось социально-экономических взглядов, кардинально отличавшихся от официальных. В их головах происходил своеобразный синтез великорусского патриотизма с административным хозяйством советской системы. Возможно, для многих победа СССР в Великой Отечественной войне стала доказательством того, что частная собственность и рынок, существовавшие до революции в Российской империи, должны были закономерно уступить место государственной собственности и плановой системе как механизм, способным лучше обеспечить мобилизацию и перекачку ресурсов в военно-промышленный комплекс.

Другой стороной патриотического направления стало воспевание старой русской культуры (деревни) и старой русской истории. Среди деятелей культуры, придерживавшихся данной идеологии, могли возникать порой сомнения в легитимности советской системы и желание реставрировать дореволюционную Россию со всеми ее особенностями. Однако неприязнь к Западу отторгала этих людей от серьезного изучения современной демократии и современного рыночного хозяйства. Они, скорее, культивировали свой собственный миф о прошлом, нежели строили реальные планы трансформации Советского Союза.

Наконец, среди национал-патриотов и имперцев имелось влиятельное антисемитское направление, представители которого полагали, что Святую Русь уничтожили евреи, которых было немало среди революционе-

ров 1917 г., тогда как Сталин многих из этих людей репрессировал. Поэтому антисемиты поддерживали сталинизм во всех его проявлениях и отрицательно относились к современному капитализму, культивирующей толерантность в национальном вопросе. Понятно, что в данном идейном направлении рыночные институты оказывались крайне непопулярны. Его представители были абсолютно лояльны к советской системе и выступали лишь против смягчения политического режима, за которым они видели проявление заговора с участием международного сионизма.

Национал-патриотическое, имперское направление в советской идеологии имело, казалось бы, хорошие шансы победить после окончательной дискредитации ортодоксально-коммунистической идеологии, поскольку именно оно глубже всего проросло корнями в советскую почву. Однако когда началась горбачевская перестройка, люди настолько серьезно были обеспокоены своим материальным положением, что идеология, не имеющая серьезной экономической программы, не могла реально конкурировать с реформистско-социалистической и рыночно-капиталистической идеологиями. Лишь незначительную часть общества в годы перестройки беспокоили рассказы националистов о еврейском заговоре, тогда как большая часть прислушивалась к рациональным советам ученых о том, как реформировать административное хозяйство. Тем не менее национализм никуда не исчез из сознания российских граждан. И затем неоднократно давал о себе знать. Особенно в годы национально-этнических конфликтов.

Промежуточные выводы

Таким образом, к началу перестройки в сознании советских граждан боролись между собой четыре комплекса идей, но силы каждого были неравны.

Ортодоксально-коммунистические взгляды уже практически никто не отстаивал, хотя формально именно они должны были доминировать. На практике эти взгляды можно было использовать лишь для манипулирования сознанием наиболее отсталых слоев населения, но даже те манипуляторы, которые умело этим пользовались, не могли добиться заметного успеха.

Реформистско-социалистические взгляды доминировали в умах представителей элиты поколения шестидесятников. Именно эти взгляды имели наилучшие условия для реализации в период горбачевской перестройки, когда именно шестидесятники пришли к власти. Однако мировой

опыт показывал, что на данной идейной базе трудно будет добиться хороших результатов в экономике.

Рыночно-капиталистические взгляды доминировали преимущественно в умах поколения семидесятников. К началу горбачевской перестройки они еще не окрепли, поскольку раньше находились под запретом. Однако их значение повышалось по мере того, как семидесятники выросли, набирались опыта и начинали занимать отдельные позиции в высших эшелонах власти и бизнеса.

Национал-патриотические и имперские взгляды долгое время вызревали внутри советской системы, почти не встречая сопротивления. К началу горбачевской перестройки они были довольно влиятельны в элитных кругах. Но общество, озабоченное своим материальным положением, не могло взять на вооружение идеологию, в которой экономике практически не уделялось внимания.

Экономические реформы и влияние групп интересов

Горбачевская перестройка началась в 1985 г., когда Михаил Горбачев пришел на пост генерального секретаря ЦК КПСС после кончины своего предшественника Константина Черненко, но поначалу никаких экономических реформ в СССР не осуществлялось. Хозяйственные проблемы виделись новому руководству страны не столь уж сложными. Планировалось, что их можно разрешить паллиативными мерами, не предполагавшими осуществления радикальных преобразований.

В первые годы перестройки деятельность высшего руководства страны свелась к попыткам наведения порядка и к улучшению организации труда. Считалось, что русские люди слишком много потребляют алкоголя и это приводит к серьезному нарушению трудовой дисциплины. Поэтому первой же «реформаторской» мерой нового руководства во главе с Горбачевым стало проведение антиалкогольной кампании. Предполагалось «на выходе» получить нового трезвого работника, способного умело обращаться с современной техникой. Поэтому в качестве второй важной меры раннего этапа перестройки намечалось оснащение советских предприятий новой высокопроизводительной техникой. Механизация труда в сочетании с поддержанием трудовой дисциплины должна была дать, по мнению руководства страны, прирост производства продукции. А это в конечном счете должно было, по всей видимости, решить проблему дефицита товаров [Аганбегян 1985; Рыжков 1995; Травин 2010, с. 102–127].

Примерно в течение двух лет выяснилось, что данные меры не приводят к позитивным результатам. Более того, их применение осложнило финансовое положение Советского Союза, поскольку механизация производства потребовала дополнительных расходов на приобретение новой техники, а антиалкогольная кампания сократила поступления в бюджет от акцизов на алкоголь. В это же время на мировом рынке произошло снижение цен на нефть, что еще больше ухудшило положение дел в советской экономике, поскольку на протяжении более чем двух десятилетий СССР импортировал продовольствие, используя для этого ту валюту, которую удавалось выручить от продажи энергоносителей [Гайдар 2006].

Экономическая реформа горбачевской перестройки

Все это в совокупности обусловило необходимость начать в 1987 г. серьезную подготовку к настоящей экономической реформе, коренным образом трансформирующей советскую хозяйственную систему, существовавшую почти в неизменном виде со сталинских времен. План реформ был разработан группой известных ученых и утвержден на пленуме ЦК КПСС. Реализация новых мер должна была начинаться с января 1988 г. [Травин 2010, с. 128–145].

Данная реформа осуществлялась в духе реформистско-социалистических идей, характерных для поколения шестидесятников. Никто из реформаторов не ставил под сомнение социализм как таковой. Напротив, Горбачев в то время усиленно говорил о совершенствовании социализма, создавая в обществе представление, будто бы можно сохранить преимущества старой системы, но отказавшись только от ее очевидных недостатков.

С одной стороны, предполагался отказ от административного характера социализма. В частности, от директивного планового управления, от жесткого подчинения предприятий отраслевым министерствам, от нерыночного материально-технического снабжения, от централизованного установления цен, осуществлявшегося без учета соотношения спроса и предложения. Предприятия должны были получить свободу хозяйственной деятельности, сами формировать план, определяя, какую продукцию и в каком количестве они должны выпускать. Соответственно, сами предприятия должны были приобретать необходимые им сырье и материалы, вступая в прямые контакты с поставщиками без посредничества центральных управленческих органов. Сами трудовые коллективы предприятий должны были избирать на общем собрании своего директора, вместо того чтобы получать руководителя, назначенного министром.

С другой стороны, весь этот переход к самостоятельности вовсе не означал перехода к рыночной экономике. Даже слово «рынок» в официальных советских документах не упоминалось до 1990 г. Речь шла только о коренной перестройке управления экономикой [О коренной перестройке 1987], то есть о серьезном совершенствовании социализма, и все предлагаемые меры рассматривались как социалистические. Реформа не должна была допустить значительной дифференциации доходов населения. Точнее, дифференциация должна была соответствовать главному социалистическому принципу «от каждого по способностям — каждому по труду». Простой советский человек не должен был терять доходы по не зависящим от него обстоятельствам — банкротства предприятия, безработицы, инфляции. Государство, хоть и отказывалось от административной сталинской модели функционирования экономики, по-прежнему считало себя гарантом роста благосостояния населения.

В рамках подобных ограничителей и началась реализация реформы. Формально в ней вроде бы был заинтересован весь советский народ, поскольку все желало нормального развития экономики. Однако непосредственный ход преобразований выявил, что самые разные группы интересов не удовлетворены предложенной концепцией и стремятся скорректировать ее в свою пользу.

Первая корректировка оказалась связана с таким феноменом, как государственный заказ. Большое число советских чиновников, работающих в плановых и снабженческих органах, а также в министерствах, должны были при переходе предприятий к самостоятельности потерять свое номенклатурное влияние, а в перспективе — и свои высокооплачиваемые должности. Они, естественно, этого никак не желали, а кроме того, в основной своей массе были убеждены, что экономика без централизованного планирования и контроля существовать не сможет. У политических лидеров страны тоже были опасения, что самостоятельность предприятий может оставить страну без каких-то важных товаров, которые никто не захочет производить. Поэтому положение о самостоятельности предприятий в вопросах планирования дополнено было правом вышестоящих административных органов вводить обязательный госзаказ по некоторым видам продукции.

Само по себе положение о госзаказе никого особенно не смущало, поскольку такого рода явление, как было тогда известно многим, существует в самых развитых странах мира. Государство приобретает ряд товаров для своих нужд — особенно в области вооружений. Однако советский госзаказ стал, скорее, не исключением из правила, а правилом. Постепенно вы-

яснилось, что многие предприятия не стремятся самостоятельно решать, какую им производить продукцию, а желают получить госзаказ, поскольку государство свое задание должно, как в старые времена, обеспечивать поставками соответствующих ресурсов. Иными словами, предприятиям, которые не способны производить хорошую и пользующуюся спросом продукцию, выгоднее остаться в старой системе административного планирования (под видом госзаказа).

На госзаказе сошлись интересы советского чиновничества, не желающего терять свои позиции, советских политических лидеров, опасавшихся усугубления товарного дефицита, и директоров целого ряда советских предприятий, не умеющих производить ничего вне рамок государственного планирования. При таком сочетании групп интересов госзаказ стал активно использоваться для того, чтобы существенно изменить дух экономической реформы. В полном соответствии с теорией логики коллективных действий, принадлежащей Мансуру Олсону [Олсон 2013, с. 33–104], отдельные группы давления оказались сильнее общества в целом, теоретически заинтересованного в осуществлении реформы, но не способного оказать на ее ход значительного воздействия.

Тем не менее интересы общества тоже учитывались, но совсем не там, где надо. Вторым важным моментом, оказавшим принципиальное влияние на ход реформы, стал фактический отказ от перехода к договорным ценам (термин «свободные цены» тогда не использовался, чтобы не было ассоциаций с капитализмом) из-за опасения инфляции.

Свобода, предоставленная предприятиям, в решении вопроса о том, какую продукцию следует производить, предполагала и свободное ценообразование. В противном случае сильно искаженная структура советской экономики воспроизводилась бы и в новых пореформенных условиях, причем с гораздо худшими последствиями для населения. Та продукция, на которую в доперестроечное время были по каким-то причинам установлены искусственно заниженные цены, могла привлечь внимание производителей лишь в случае, когда они получали возможность повысить цены. Но если этого не происходило, дефицит мог только усугубляться: никто без приказа государства указанную продукцию производить бы не стал.

Реформаторы понимали данную проблему и внесли в концепцию реформ положение о необходимости перехода к договорным ценам, однако на практике ничего подобного в конце 1980-х гг. сделано не было. Политическое руководство страны опасалось массового недовольства инфляцией, а потому притормаживало именно эту часть реформы [Грачев 2001,

с. 172–173]. В результате повышение самостоятельности предприятий никак не могло способствовать ликвидации дефицита многих товаров с искусственно низкими ценами, а в их число входили прежде всего основные продукты питания. Неудивительно, что значение госзаказа при таком подходе лишь расширилось. Экономический центр вынужден был в обязательном порядке размещать госзаказ на многие товары, производство которых оставалось для предприятий невыгодным.

Третья проблема, порожденная реформой второй половины 1980-х гг., сводилась к тому, что у директоров предприятий, освобожденных от детального контроля со стороны министерств, появились свои групповые интересы, не совпадающие с интересами трудовых коллективов. Директора понимали, что они теперь контролируют значительный объем государственной собственности и финансовые потоки, проходящие через их предприятия. При этом никакой приватизации данная реформа не предполагала, поскольку частная собственность, акционерный капитал, биржа и тому подобные вещи считались проявлением капитализма. Соответственно, директорский корпус неизбежно должен был прийти к мысли о желательности номенклатурной (спонтанной) приватизации, с помощью которой можно фактически использовать в личных интересах ту собственность, что формально остается государственной.

Реализации данных групповых интересов способствовало появление кооперативов, разрешенных советским законодательством в эти же годы. Кооперативы стали своеобразным заменителем частного предпринимательства, поскольку представляли собой коллективную (то есть социалистическую) форму собственности. Они действовали фактически уже в рыночных условиях, сами решали, что производить, сами устанавливали цены и должны были покрывать расходы своими доходами. Советская власть надеялась, что кооперативы будут производить дефицитные товары массового потребления, но на деле они, скорее, использовались в ходе номенклатурной приватизации, поскольку интересы кооператоров идеально совпали с интересами директорского корпуса.

Директора могли заказывать кооперативам различные виды работ для своих предприятий. Могли сдавать им в аренду помещения под производственные нужды. Могли реализовывать через них свою продукцию по рыночным ценам. В каждом из этих случаев кооператоры получили значительную выгоду. Работы заказывались за счет государственных средств по повышенным расценкам. Арендная плата взималась с кооперативов, наоборот, крайне низкая. А продажа товаров через кооперативы по рыночным ценам фактически представляла собой узаконенную спекуляцию.

Во всех этих случаях директора получали «откат», то есть часть той выручки, которую с их помощью имели кооперативы. Итог совместной деятельности директоров государственных предприятий и кооператоров оказался совсем не тот, на который рассчитывали реформаторы.

В конечном счете реформы второй половины 1980-х гг. лишь усугубили и без того трудное экономическое положение страны.

Хорошо работавшие предприятия получили в этих условиях возможность больше зарабатывать и относительно свободно распределять заработанные деньги внутри трудового коллектива. Доходы людей возросли. Они стремились приобретать больше товаров, но в условиях дефицита быстро смели с прилавков даже то, что имелось в свободной продаже до начала реформы.

Еще быстрее возрастали доходы директоров и связанных с ними кооператоров. Вскоре в СССР появились первые коммерческие банки и предприятия с иностранным участием (совместные предприятия). Они также активно включились в номенклатурную приватизацию и хорошо на этом заработали.

Причем плохо работавшие предприятия и те, которые в плановом порядке являлись убыточными (военно-промышленный комплекс, производство основных продуктов питания и т. д.), должны были как-то финансироваться государством. Никто не собирался их закрывать, допуская тем самым безработицу и падение номинальных доходов населения. Но старый советский механизм перераспределения средств от хороших предприятий к плохим в новых условиях уже не мог работать. Хорошие предприятия претендовали на то, чтобы сохранять свои собственные доходы для себя.

Обернулось это двумя проблемами.

Во-первых, предприятиям стали вместо стабильных налогов устанавливать меняющиеся нормативы распределения прибыли. У тех, кто работал хуже, брали в бюджет совсем немного, а у тех, кто работал лучше, стремились забирать чуть ли не всё [Бунич 1988, с. 248]. Это сильно подрывало стремление к лучшей работе. Правда, групповые интересы и здесь наложили свой отпечаток. Некоторые директора договаривались с центральными органами управления о том, чтобы получить выгодные нормативы, и при этом, по всей видимости, также давали откат тем чиновникам, от которых зависело принятие соответствующего решения.

Во-вторых, поскольку в такой финансовой системе денег на поддержку народного хозяйства стало катастрофически не хватать, государство прибегло к нарастающей денежной эмиссии. В условиях контролируемых

цен это привело не к инфляции, а к нарастанию дефицита товаров (иногда такое явление называли скрытой инфляцией, или образованием «денежного навеса»). В начале 1990-х гг. положение на потребительском рынке в СССР стало значительно хуже, чем в брежневское время. Обострение проблемы дефицита приводило к ажиотажной скупке товаров населением, и прилавки магазинов пустели еще больше.

Экономическая реформа Ельцина и Гайдара

Формальной границей между реформой горбачевской перестройки и реформой, осуществлявшейся в России после распада СССР, стали августовский путч 1991 г. и Беловежские соглашения, подписанные в декабре. Однако на самом деле говорить о такой границе невозможно, поскольку Егор Гайдар начинал свои преобразования не с чистого листа. Принципиально важно понять, что он получил от союзных властей соответствующее «наследство» и должен был урегулировать целый комплекс проблем. Среди них были:

- нарастающая макроэкономическая несбалансированность, выражавшаяся в огромном «денежном навесе»;
- лоббистская активность директората предприятий, неэффективно работавших, но добивавшихся от властей финансовой поддержки;
- номенклатурная приватизация, посредством которой государственные активы быстро переходили в частные руки.

С одной стороны, именно данное «наследство» определяло соотношение сил различных групп интересов, влиявших на конкретный ход преобразований. С другой — характер реформ определялся доминировавшими в реформаторских кругах идеями. В 1990-х гг. эти идеи уже существенным образом отличались от тех, которые оказывали первостепенное воздействие на ход горбачевской перестройки во второй половине 1980-х гг.

Репутация реформистско-социалистических идей оказалась существенным образом подорвана неудачными преобразованиями. Идеологи этих преобразований фактически потеряли власть с распадом СССР, а ученые, их консультировавшие и разрабатывавшие проект реформ горбачевской перестройки, оказались не в фаворе у Бориса Ельцина. Но, возможно, еще более значимым фактором преобразований стало то, что в обществе произошли значительные ментальные сдвиги.

Широкие массы постепенно отвыкали от приверженности социалистическим идеям. Свобода, предоставленная массмедиа еще Горбачевым

и укрепленная в годы правления Ельцина, способствовала появлению целого ряда статей и выступлений, в которых говорилось о необходимости настоящего рынка, а не его социалистического заменителя. Еще в 1987 г. были опубликованы первые аналитические тексты, объяснявшие преимущества капитализма [Шмелев 1987]. Советские интеллектуалы обсуждали их с некоторым удивлением и робостью. А в 1990 г. уже появилась программа реформ «500 дней», получившая поддержку как Горбачева, так и Ельцина, несмотря на то что она камня на камне не оставляла от социализма — даже в его реформаторском виде.

Когда прилавки магазинов совершенно опустели, социалистические идеи уже мало кого волновали. Население России хотело нормальной, работоспособной экономики, и людей совершенно не интересовало, какой конкретно ярлык будет на ней висеть: «социализм», «капитализм» или что-нибудь еще.

Таким образом, когда Егор Гайдар, назначенный в ноябре 1991 г. на пост вице-премьера правительства России и получивший карт-бланш на осуществление реформ, предложил свои мероприятия, он не испытывал ограничений в идейном плане. Представления о преимуществах капитализма, сложившиеся у семидесятников, получили широкое распространение, и даже либерализация цен не вызывала больше отторжения, поскольку давала надежду на то, что товары наконец появятся в продаже, хоть и по высокой цене. Однако давление различных групп интересов по-прежнему было значительным. И именно с этим ограничителем довелось столкнуться Гайдару.

Ключевыми элементами реформы Гайдара были [Травин 2010, с. 208–229]:

- либерализация 90% розничных и 80% оптовых цен [Ясин 2003, с. 194];
- переход к современной системе налогообложения вместо «плавающей» системы нормативов распределения прибыли;
- проведение массовой приватизации собственности по единым правилам, пресекающим номенклатурную приватизацию советского периода;
- либерализация внешнеэкономических связей, включающая легализацию обладания иностранной валютой для российских граждан.

В идеале Россия должна была стать нормальной страной с рыночной экономикой, включающейся в мировое капиталистическое хозяйство. Идеология реформ предполагала именно такой ход развития событий.

Однако, столкнувшись с влиянием различных групп интересов, реформаторы вынуждены были существенно скорректировать свой курс, что в конечном счете сформировало в России массовое представление о провале реформ. Некоторые элементы курса подвергались корректировке с участием самого Гайдара, стремившегося к разумным компромиссам по частным моментам для того, чтобы сохранить реформы в целом. Некоторые — корректировались другими акторами (например, главой Центробанка) при фактическом согласии Гайдара, сохранявшего свое политическое влияние. Наконец, некоторые элементы реформы корректировались уже после того, как Гайдар был отправлен в отставку (декабрь 1992 г.) и не мог оказывать воздействие на ход событий. Но, как бы то ни было, надо отметить, что преобразования 1990-х гг. осуществлялись с учетом давления различных групп интересов и являются не столько реализацией идей Гайдара и его соратников, сколько итогом многочисленных согласований. Если реформы 1990-х гг. «на входе» представляли собой квинтэссенцию рыночно-капиталистических идей поколения семидесятников, то «на выходе» они являлись противоречивым и не слишком эффективным комплексом мероприятий, которые можно было осуществить в ту эпоху на практике с учетом согласования всевозможных групп интересов.

В общем и целом рыночно-капиталистическое направление удалось сохранить. Это обеспечило нормальную работу экономики, наполнение прилавков отечественной и импортной продукцией, что означало ликвидацию системы товарного дефицита, характерной для советского прошлого [Гайдар 2009, с. 139–140, 163–165]. Более того, именно гайдаровская реформа, высвободившая производителя, создала базу для дальнейшего развития страны в 2000-е гг., когда наконец начался быстрый экономический рост. Однако по всем ключевым направлениям преобразований результаты были далеки от идеала:

- либерализация цен обернулась высокой инфляцией, обесценившей сбережения граждан и сформировавшей плохие условия для инвестиций;
- переход к современной фискальной системе не смог предотвратить массовое уклонение от уплаты налогов, обострившее и без того сложные бюджетные проблемы, связанные с трансформационным спадом;
- приватизация была осуществлена в интересах трудовых коллективов, что фактически означало приватизацию в интересах директорского корпуса и связанных с ним различных групп интересов;

- либерализация внешнеэкономических связей на фоне высокой инфляции, сильного трансформационного спада и компромиссной приватизации привела к оттоку капитала за рубеж вместо привлечения инвестиций;
- все это в целом, по всей видимости, углубило трансформационный спад, который был неизбежен в условиях структурной перестройки экономики, но мог (если судить по опыту реформировавшихся в это же время стран Центральной и Восточной Европы) быть преодолен в более короткие сроки.

В первые месяцы после либерализации цен Гайдар стремился к достижению финансовой стабильности. Хотя из-за существования «денежного навеса», оставшегося в «наследство» от союзных властей, значительная инфляция сразу после либерализации была неизбежна, российское правительство стремилось к тому, чтобы постепенно уменьшать темпы роста цен. Для этого необходимо было сводить государственный бюджет с минимальным дефицитом и отказаться от эмиссионного финансирования сохраняющегося дефицита.

При осуществлении массовой приватизации председатель Комитета по управлению государственным имуществом (Госкомимущества) Анатолий Чубайс — друг и коллега Гайдара — исходил первоначально из важности продажи собственности непосредственно в руки стратегических инвесторов, а не в руки директоров предприятий или членов их трудовых коллективов. Такой подход позволил бы привлечь капиталы к развитию российской экономики. В отличие от стратегических инвесторов, трудящиеся не имели капиталов, но зато обладали амбициями, препятствовавшими нормальному развитию экономики. Югославский опыт контроля предприятий трудовыми коллективами показывал, что подобная практика оборачивается популизмом [Васильев 1991, с. 25; Adžić 1971, p. 130; Sirc 1979, p. 44, 55; Zukić 1985, p. 81, 91, 93], тогда как приватизация в странах, непосредственно привлекавших крупный капитал (например, Великобритания эпохи Маргарет Тэтчер), расценивалась как успешная.

Несмотря на такие «исходные» взгляды, ни быстрой финансовой стабилизации, ни приватизации в интересах стратегических инвесторов обеспечить не удалось. Причем проблемы, как нам видится, были связаны вовсе не с внезапной трансформацией подходов реформаторов, а с необходимостью принять во внимание совокупное давление разнообразных групп интересов. Игнорирование этого давления, по мнению реформаторов, могло бы привести к еще более худшим результатам. В частности, к замораживанию цен (то есть к фактической отмене либерализации, а зна-

чит, к отказу от рыночного развития) и к продолжению неконтролируемой номенклатурной приватизации. На практике попытка замораживания цен действительно была предпринята на рубеже 1992–1993 гг., когда Гайдара отправили в отставку. А номенклатурная приватизация осуществлялась практически до тех пор, пока предприятия не сменили собственника по правилам, предписанным Чубайсом.

Уже весной 1992 г. президент Борис Ельцин подвергся интенсивному давлению со стороны различных групп интересов, проигрывавших от перехода к рыночной экономике и пытавшихся получить финансовую поддержку государства для нормализации своего положения [Гайдар 2009, с. 166–167]. Если в ходе обычной рецессии убытки несет сравнительно небольшая часть бизнеса и государство порой находит возможность помочь ей без катастрофических последствий для макроэкономической стабильности, то трансформационный спад в России начала 1990-х гг. затрагивал интересы самых разных секторов экономики.

Во-первых, нуждался в поддержке военно-промышленный комплекс, традиционно финансирующийся государством. В СССР, пытавшемся поддерживать паритет с США в гонке вооружений, ВПК был чрезвычайно сильно развит. Военные расходы Советского Союза, как правило, превышали в послевоенный период 20% ВВП. Доля военной продукции в общем выпуске промышленной продукции превышала, по некоторым оценкам, 40% [Кудров 2007, с. 386]. В ВПК работало много квалифицированных специалистов, поэтому давление на власть шло не только со стороны директорского корпуса, но и со стороны интеллигенции, которая в перестроечные годы являлась оплотом прогрессивных преобразований. Сотрудники военных институтов и конструкторских бюро внезапно обнаружили, что переход к рынку может оставить их без зарплаты, поскольку госбюджет в рыночной экономике не способен поддерживать такое число оборонных проектов, как раньше. Возможное игнорирование интересов интеллигенции, занятой в ВПК, грозило Ельцину утратой поддержки именно того активного слоя населения, на который он еще недавно опирался.

Во-вторых, поддержки требовали малые города, находившиеся на территории Сибири и Крайнего Севера. Развитие таких городов в значительной степени было также связано с военным производством. В советское время их удаляли на труднодоступные окраины страны в целях поддержания секретности. При этом власть не считалась с тем, что содержание таких городов в зоне, где не могут производиться никакие продукты питания, будет обходиться очень дорого. При переходе к рыночной экономике эта проблема встала в полный рост, поскольку Север требовал дополни-

тельного содержания для своего выживания. В частности, необходимо было до наступления зимы осуществлять завоз продовольствия водным путем, поскольку после образования льда в водоемах доставка товаров могла идти лишь по воздуху, что еще больше удорожало снабжение. Отказаться от такого снабжения государство не имело возможности, поскольку жители этих городов не могли переехать в другие города страны из-за отсутствия средств на приобретение жилья.

В-третьих, государственную поддержку желало получить и сельское хозяйство. Формально эта отрасль экономики могла бы вполне успешно развиваться в условиях рынка, поскольку ее продукция (в отличие от продукции ВПК) была необходима потребителю. Однако эффективность труда в советской деревне традиционно была довольно низкой. Государство кредитовало колхозы и совхозы, а потом списывало невозвращенные кредиты. Более того, оно оказывало поддержку селу, принудительно направляя на уборочные работы большое число горожан — в первую очередь студентов. Сельские жители привыкли к тому, что сами они не могут полностью обеспечить производственный процесс. Конечно, рыночная экономика должна была приучать сельских производителей к самостоятельности, и с этой точки зрения их можно было бы оставить без поддержки, благо быстро расширился ввоз продуктов из-за рубежа. Но у российского государства существовала иная точка зрения: нельзя совсем подорвать позиции аграрной экономики и перейти на импорт, поскольку в случае войны стране может понадобиться самообеспечение продовольствием.

В-четвертых, целый ряд отраслей промышленности пострадал от либерализации внешнеэкономических связей. На российский потребительский рынок пошел большой объем продукции из соседних стран с низкой зарплатой и сравнительно высокой эффективностью производства. Пищевая промышленность в крупных городах России с трудом выдерживала конкуренцию со стороны товаров, производимых в различных странах Европы. Легкая промышленность явно уступала в эффективности производителям из Китая и Турции. Советское автомобилестроение, представленное на потребительском рынке, по сути дела, только тольяттинским ВАЗом и долгое время существовавшее фактически вообще без какой-либо конкуренции, теперь проиграло соперничеству сразу многим зарубежным иномаркам (особенно сравнительно дешевым подержанным автомобилям, которые стали импортировать в большом количестве). Примерно в таком же положении оказались и производители бытовой техники.

Проблемы выживания неэффективных российских предприятий существенно обострились еще и в связи с интенсивным развитием так

называемого челночного бизнеса. Многие российские граждане, лишившиеся своей старой работы либо просто предпочитавшие освоить новые, более доходные виды деятельности, стали выезжать за границу с целью приобретения и перепродажи товаров на отечественном рынке. Запретить челночный бизнес было трудно, поскольку он кормил большое число людей и, кроме того, представлял собой пример рыночной предприимчивости, которую пореформенное государство должно было поощрять ради формирования в обществе нового менталитета. Однако ввоз товаров из-за границы без таможенных пошлин делал импорт еще более конкурентоспособным в сравнении с отечественной продукцией. По всей России как грибы стали расти ярмарки, на которых челноки и их партнеры продавали ввезенную продукцию по очень низким ценам.

Таким образом, представители самых разных отраслей российской экономики, внезапно оказавшихся неконкурентоспособными, стали активными лоббистами своих интересов. Президент и правительство не могли не прислушиваться к их пожеланиям. Более того, в лоббистскую деятельность включились и представители весьма преуспевающих секторов бизнеса. В частности, коммерческие банки, неплохо зарабатывавшие в начале 1990-х гг.

Банкиры могли зарабатывать на высокой инфляции и, следовательно, были объективно заинтересованы в том, чтобы государство жило не по средствам, поддерживая за счет «печатного станка» разные сектора экономики [Дмитриев, Травин 1996, с. 67–80]. При быстром росте цен ставки по депозитам были фактически отрицательными. А если через банки шла какая-то государственная поддержка в экономику, то стоило слегка придержать деньги («прокрутить» их), и они поступали к получателю уже обесценившимися.

Лоббистское давление на власть оказывалось не только со стороны различных секторов экономики. Сильным лоббистом был генералитет. Хотя российская армия значительно сократилась по сравнению с советской, полностью игнорировать требования генералитета президент и правительство не могли. В условиях политической нестабильности и непопулярных реформ слишком опасно было настраивать против себя армию. Отдельные великодержавно настроенные офицеры готовы были выступить против демократической власти в случае возникновения возможности для государственного переворота.

В октябре 1993 г. в Москве действительно имела место попытка свержения президента Ельцина, возглавленная вице-президентом Александром Руцким и спикером Верховного Совета Русланом Хасбулатовым.

Так называемый «Союз офицеров» был в числе восставших. Для подавления сопротивления Ельцин вынужден был прибегнуть к поддержке армии и даже к вводу танков на улицы Москвы. После некоторых колебаний руководство Министерства обороны предприняло меры для ликвидации «путча». Были, в частности, произведены выстрелы из танковых орудий по зданию, где размещался парламент. Естественно, в таких условиях государство вынуждено было принимать во внимание интересы генералитета [Мороз 2007; Травин 2010, с. 238–253].

Некоторое лоббистское давление осуществлялось и со стороны работников сфер образования, здравоохранения и культуры. Демократическая пресса была переполнена алармистскими статьями, в которых рассказывалось о тяжелейшем положении профессоров, учителей и врачей, получавших крайне низкую зарплату. На протяжении 1990-х гг. жизнь российской интеллигенции становилась все более трудной. При этом именно интеллигенция оказывала поддержку Ельцину в конце 1980-х гг. и являлась в первые пореформенные годы активным сторонником рыночных реформ. Соответственно, интересы этого широкого слоя населения президент и правительство также не могли полностью игнорировать. Особенно в период предвыборных кампаний.

Проблемы пореформенной экономики в России

Проблема согласования многочисленных интересов в пореформенной России обусловила возникновение своеобразного механизма адаптации финансовой политики к реальным условиям. Российские власти медленно отступали под давлением лоббистов, стремясь сбалансировать бюджет, но не добиваясь в этом деле больших успехов. Причем если правительство пыталось проводить сравнительно ответственную финансовую политику, то парламентарии, вступившие в конфронтацию с Ельциным и желавшие следовать популистским курсом для укрепления своего влияния в массах населения, готовы были принимать бюджеты с дефицитом, выходящим за рамки разумного [Мороз 2007, с. 505, 511; Травин 2010, с. 247].

Постоянные «раздачи денег» привели к формированию значительного бюджетного дефицита в первые пореформенные годы, причем важнейшим способом покрытия этого дефицита оставалась денежная эмиссия. Возможность прибегнуть к займам у иностранных государств и международных финансовых организаций была невелика: потребности бюджета в деньгах сильно превосходили выделенные России ресурсы [Гилман 2009,

с. 105–106; Ослунд 2003, с. 590–591; Сакс 1995, с. 289]. А формирование системы внутреннего государственного долга произошло лишь в середине 1990-х гг.

Денежная эмиссия обусловила провал политики финансовой стабилизации, которую вначале пытался осуществлять Гайдар. Если задачу перехода к рыночной экономике и ликвидации товарного дефицита Гайдару решить удалось, несмотря на все связанные с этим трудности, то в плане финансовой стабильности положение дел в России обстояло явно хуже, чем в государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), проводивших реформы в эти же годы. Правда, России удалось удержаться от гиперинфляции, поразившей Сербию и Хорватию, но в целом темпы роста цен вплоть до 1997 г. были слишком высоки для нормального развития. Инфляция делала Россию непривлекательной для серьезных инвестиций, но при этом стимулировала различные спекулятивные операции, на которых легко зарабатывались большие деньги.

Таким образом, пореформенный курс выглядел следующим образом. Государство стремилось удовлетворить требования тех групп интересов, отказать которым было трудно по политическим или социально-экономическим причинам (не в последнюю очередь и из-за коррумпированности госаппарата). А затем прибегало к «инфляционному налогу», обесценивавшему те дотации и кредиты, которые лоббистам удавалось выбить у президента и правительства.

Подобный подход сильно расходился с теми идеями, с которыми реформаторы шли во власть. К высокой инфляции никто по большому счету сознательно не стремился. Инфляционная экономика несколько не напоминала те привлекательные капиталистические образцы, которые соблазнили российских граждан идти на трансформацию социалистической хозяйственной системы. С одной стороны, общество вроде бы получило то, что хотело: прилавки, наполненные товарами. Но с другой — оно столкнулось с таким ростом цен, который в значительной мере девальвировал рыночные достижения.

Подобная противоречивость результатов реформы обусловила и противоречивое отношение населения к 1990-м гг. С одной стороны, никто никогда в России больше не стремился вернуться в советское экономическое прошлое. С другой — у большинства граждан сложилось представление, что реформы провели как-то неправильно и что должен был, наверное, существовать иной способ реформирования советской хозяйственной системы. Такой способ, при котором и волки были бы сыты, и овцы целы.

На самом деле, как мы видим, возникшие в пореформенное время проблемы обуславливались не особенностями плана проведения реформ и не личностью реформаторов, а влиянием многочисленных групп интересов, с которыми приходилось идти на соглашения. Мы не можем оценить, были ли достигнутые соглашения оптимальны или умелые политики сумели бы достичь большего, но сама объективная необходимость процесса согласования интересов вряд ли может быть подвергнута сомнению.

Скорее всего, по-настоящему серьезной ошибкой в ходе реформ было решение Центробанка, принятое летом 1992 г. его главой Виктором Геращенко, провести широкомасштабное кредитование предприятий для расширения кризиса неплатежей. В соответствии с этим решением деньги получали непосредственно из эмиссионного центра практически все субъекты хозяйственной деятельности, с которыми не могли рассчитаться получатели их продукции. Стремление Геращенко помочь сразу всем, вместо того чтобы медленно «отступать» под давлением лоббистов, серьезно ускорило темпы инфляции, но так и не спасло российскую экономику. Большое число предприятий, которые в условиях трансформационного спада оказались не способны найти потребителя для своей неконкурентоспособной продукции, смогли благодаря решению Геращенко какое-то время продержаться на плаву. Но впоследствии они все равно вынуждены были прекратить свою деятельность.

Подобная форма кредитования принципиально отличалась в худшую сторону от торга за ресурсы, которое вело с различными группами интересов правительство. Если идеологией Гайдара было формирование рыночной экономики на основе антиинфляционной политики (которую ему, правда, не удалось осуществить по объективным причинам), то идеологией Геращенко было стремление сохранить всю советскую экономику в надежде, что она каким-то чудодейственным образом избежит объективно обусловленного трансформационного спада.

В конечном счете сам Геращенко стал жертвой порожденной им же инфляции. В 1993 г. министр финансов Борис Федоров добился некоторого улучшения дел, но после его отставки в начале 1994 г. Центробанк снова стал энергично наращивать темпы денежной эмиссии [Илларионов 1994, с. 27, 31], и в октябре (в так называемый «черный вторник») произошло резкое падение рубля. После этого Геращенко был вынужден отправиться в отставку.

Но значение «черного вторника» состояло не только в этом. Оно ознаменовало начало нового этапа проведения антиинфляционной политики, вдохновителем которой стал Чубайс, занявший в правительстве пост

вице-премьера, ответственного за всю макроэкономическую политику в целом. Его курс строился на компромиссах с ведущими группами интересов. Не имея возможности резко сократить бюджетные расходы, он стал формировать систему государственного долга для того, чтобы покрывать дефицит без денежной эмиссии, на которую до «черного вторника» так напирал Геращенко. Начало формирования системы государственного долга относится еще к 1993 г., когда этим занялся Федоров, но в полной мере осуществить им задуманное довелось уже Чубайсу.

В российских деловых кругах за время первоначального накопления капитала (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) собрались большие суммы денег, которые по указанным выше причинам мало использовались для инвестиций в реальный сектор экономики, но активно выводились за рубеж или шли на спекуляции с валютой. Чубайс предложил достаточно высокую доходность по государственным ценным бумагам, для того чтобы бизнес стал кредитовать государство. Иными словами, интересы государства в неинфляционном финансировании дефицита госбюджета совпали с интересами деловых кругов в получении хорошего дохода. Совпадение интересов привело к резкому прогрессу в антиинфляционной политике. Темпы роста цен стали снижаться. Валютный курс стабилизировался. Или, точнее, рубль теперь не падал стремительно, а дешевел по отношению к доллару в заранее оговоренных пределах. Это была так называемая политика валютного коридора [Травин 2010, с. 285–288].

Действия Чубайса по обеспечению финансовой стабилизации в середине 1990-х гг. основывались на опыте, который был им получен при проведении массовой приватизации в 1992–1994 гг. Именно приватизация научила его строить свою политику не только на заранее усвоенных экономических идеях (какими бы правильными они ни были), но и на учете влияния ключевых групп интересов.

Находясь на посту главы Госкомимущества, Чубайс понял, что провести приватизацию с максимально возможным привлечением стратегических инвесторов будет затруднительно по ряду причин [Чубайс 1999].

Во-первых, директора и трудовые коллективы могут просто не пустить на свое предприятие инвесторов, приобретших контрольный пакет акций на аукционе или конкурсе, и таким образом не дать им возможности реально вступить в права собственника. Фактически инсайдеры уже давно рассматривали предприятия как свои, чему сильно способствовала советская идеология, отрицавшая капитализм и утверждавшая, что в СССР фабрики и заводы принадлежат рабочим со времен революции 1917 г. Более того, в ходе номенклатурной приватизации директора убеди-

лись в том, что осуществляемый ими контроль над предприятием дает реальную возможность получения крупных доходов, и это усилило их интерес к тому, чтобы не пускать на свою территорию никаких чужаков.

Во-вторых, российское государство, только возникшее после распада СССР и сразу столкнувшееся с массой экономических проблем, было сравнительно слабым и неспособным настоять на исполнении закона в том случае, когда влиятельные группы интересов данному исполнению препятствовали. Применительно к приватизации это означало, что в большинстве случаев невозможно будет водворить собственника на предприятие с помощью правоохранительных органов. Распоряжения правительства могут просто не исполняться на местах, поскольку прокуратура, суды и милиция зависят, скорее, от региональных властей, чем от федерального центра. А региональные власти, соответственно, находятся в тесном контакте с директорами крупных предприятий и заинтересованы в том, чтобы не было массовых протестов со стороны трудовых коллективов.

В-третьих, приватизация с привлечением стратегических инвесторов может успешно осуществляться в ситуации, когда страна является инвестиционно привлекательной, то есть когда обладатели крупных капиталов уверены в возможности вести там прибыльный бизнес на понятных им условиях. Пореформенная Россия явно к числу таких привлекательных стран не относилась. В России сложилась ситуация финансовой нестабильности, о чем говорилось выше. Более того, страна была нестабильна в политическом плане, поскольку ни у кого тогда не было уверенности в том, что быстро терявший авторитет президент Ельцин [Гайдар 1996, с. 313; Коржаков 1997, с. 203; Костиков 1997, с. 49, 297; Немцов 2007, с. 40] и рыночники-реформаторы удержатся у власти надолго. Возможный возврат коммунистов к правлению страной сильно обесценивал собственность, поскольку при таком варианте развития событий приватизация могла вскоре обернуться новой национализацией и прямыми финансовыми потерями для инвесторов.

В-четвертых, непривлекательность России для инвестиций определялась и тем, что многие предприятия были неэффективны и нуждались в слишком больших инвестициях и в значительной реконструкции. За исключением нефтяной и газовой промышленности, черной и цветной металлургии, лесопереработки, добычи алмазов и золота, строительства в крупных городах, энергетического машиностроения и отдельных направлений судостроения, в России было очень мало предприятий, на которые потенциальный инвестор мог бы «положить глаз». Поэтому даже вне зависимости от инвестиционного климата первой половины 1990-х гг.

приватизация с использованием стратегических инвесторов, скорее всего, могла затронуть лишь «верхушку» собственности. При этом тысячи предприятий (особенно в российской глубинке) так и остались бы непривлекательными. В этом смысле условия малых стран ЦВЕ с небольшим числом предприятий, привлекательных для инвестора, сильно отличались от условий, которые сложились в России.

В-пятых, приватизация с привлечением стратегических инвесторов даже в сравнительно благоприятных условиях является процессом длительным. Необходимо предварительно оценить продаваемое имущество, организовать аукционы и конкурсы. Много времени поглощает сама продажа. Иными словами, собственность при таком подходе к приватизации годами будет находиться в распоряжении старых советских директоров и ждать момента, когда у чиновников найдется время, чтобы ею наконец заняться. Если принять во внимание, что на предприятиях активно шла номенклатурная приватизация, то становится ясно: активы будут разворованы (или, как говорилось в каламбуре того времени, «прихвачиваны») еще до того, как официальная приватизация осуществится. Долго ждать означало в данном случае для российского государства потерять собственность вообще.

В-шестых, приватизация через конкурсы, которая осуществляется с помощью оценки собственности, сделанной чиновниками и экспертами, неизбежно вызывает критику со стороны прессы и оппонентов. Говорится порой, что цены на имущество специально занижены, а конкурсы проводятся несправедливо. Иными словами, такая приватизация, где многое зависит от конкретных людей, занимающихся организацией данного процесса, неизбежно вызывает обвинения в коррумпированности. В России 1990-х гг., расколотой на противоборствующие политические лагеря, обвинения в коррупции становились важнейшим инструментом борьбы. Соответственно, любая приватизация, проводимая не по четкой стандартной схеме, установленной законом (где от чиновника почти ничего не зависит), стала бы в ту эпоху поводом для серьезных обвинений.

Учет всех вышеперечисленных моментов означал, что массовую приватизацию следовало проводить быстро и, главное, с учетом интересов трудовых коллективов и директоров предприятий. Именно так все и получилось на практике. Трудовым коллективам в подавляющем большинстве случаев предоставили возможность получить бесплатно контрольный пакет акций. Они сами выбирали модель, по которой будут приватизировать свое предприятие. Аутсайдеры, как правило, получали возможность претендовать лишь на сравнительно небольшой пакет, приобретаемый через

аукционы и конкурсы, что минимизировало социальную напряженность на предприятиях.

Про российскую массовую приватизацию часто говорят как про приватизацию ваучерную, имея в виду, что она была проведена через приватизационные чеки, бесплатно розданные всему населению страны. На самом деле, такая оценка верна лишь по форме, но не по существу. Действительно, граждане России имели право получить за бесценок приватизационные чеки (ваучеры), на которые можно было приобретать имущество предприятий. Подобный подход являлся не столько попыткой обеспечить равные возможности доступа к государственному имуществу для всего населения страны, сколько важнейшим элементом политики учета групп интересов. Дело в том, что предоставление контрольного пакета трудовым коллективам обеспечивало учет интересов работников приватизируемых предприятий и их директоров. Но оно не давало никаких прав школьным учителям, врачам государственных больниц и поликлиник, профессорам и преподавателям вузов, работникам культуры, военнослужащим и милиционерам, мелким чиновникам, то есть всем тем, кто не работал на приватизируемых предприятиях. Именно для того, чтобы они не чувствовали себя отрезанными от государственной собственности, был введен ваучерный механизм. Учитель или библиотекарь получал приватизационный чек, несмотря на то что и школа, и библиотека оставались государственными учреждениями.

Опыт проведения массовой приватизации в России показал, что если предоставление контрольного пакета трудовым коллективам в основном выполнило свою задачу (на предприятиях не было отмечено случаев проявления серьезного недовольства), то репутация ваучера оказалась невысокой. Миллионы людей не понимали, куда и как их надо вкладывать, но при этом ожидали в будущем сравнительно высокого дохода. Подобный доход на деле получили лишь немногие, умело вложившие свои приватизационные чеки в конкурентоспособные предприятия. Значительная масса людей вложила их в чековые инвестиционные фонды (ЧИФы), но фактически ничего с этого не получила. Как потому, что некоторые ЧИФы оказались мошенническими, так и потому, что сами эти фонды были вынуждены вкладывать собранные у населения ваучеры в неконкурентоспособные российские предприятия, на которые так и не пришел стратегический инвестор [Гайдар, Чубайс 2011, с. 66].

Если ваучеры для многих оказались просто потерянными, то акции собственных предприятий, полученные членами трудовых коллективов, медленно переходили в другие руки. На заводы и фабрики, представлявшие

интерес для инвесторов, являлись скупщики ценных бумаг, которые в конечном счете приобретали у рабочих контрольный пакет. Во многих случаях это делалось по согласованию с директорами, поскольку только они могли обеспечить скупщикам наиболее благоприятные условия деятельности. Их пускали внутрь предприятия, где эти люди без помех контактировали с работниками. Поскольку в 1990-х гг. на многих российских предприятиях надолго задерживали выдачу зарплаты, да и сам уровень доходов был крайне низким, «акционеры» с радостью реализовывали принадлежавшие им ценные бумаги, чтобы купить продуктов для семьи, а то и просто бутылку водки. Директора предприятий, по всей видимости, в подобных случаях получали свое вознаграждение за сотрудничество с инвесторами, что в полной мере соответствовало их интересам.

Таким образом, массовая приватизация удовлетворила (правда, окольным путем) интерес инвесторов к акциям потенциально привлекательных предприятий, удовлетворила интерес директоров к получению некоторой компенсации за пресечение номенклатурной приватизации и даже удовлетворила интерес членов трудовых коллективов к приобретению хоть минимальной личной выгоды от своего завода. Приватизация создала возможность прихода стратегического инвестора хотя бы на часть предприятий. В конечном счете приватизация 1990-х гг. готовила российскую экономику к тому, чтобы рано или поздно перейти от спада к росту. И этот рост действительно начался в 1999 г.

Непосредственным толчком к этому стала девальвация рубля, начавшаяся в августе 1998 г. Валютный коридор Чубайса рухнул из-за того, что спекулянты под воздействием азиатского экономического кризиса стали продавать российские государственные бумаги, переводить рубли в доллары и вкладывать свои средства в более надежные зарубежные активы [Илларионов 1998; Кризис финансовой системы 1998; Полетаев 1999]. Фактически в 1998 г. произошла радикальная ломка сложившейся за три года до этого системы интересов. Если сразу после «черного вторника» Чубайс смог заинтересовать бизнес в том, чтобы прокредитовать российское правительство, то в атмосфере вызванной кризисом паники поддержать этот интерес было уже невозможно.

Рубль рухнул. Государство объявило дефолт. Из-за снизившейся платежеспособности населения резко сократился российский импорт. Это создало возможности импортозамещения, которыми воспользовался отечественный бизнес, сумевший за семь пореформенных лет встать на ноги и ощутить свои интересы, связанные с ростом производства и получением прибыли не от спекуляций, а от продажи товаров на рынке.

Промежуточные выводы

Таким образом, мы видим, что ключевые идеи, с которыми СССР пошел к перестройке, сильно трансформировались за 15 лет под воздействием различных групп интересов. Реализовать реформистско-социалистические взгляды вообще не удалось, поскольку они основывались на иллюзии возможности построения социализма с человеческим лицом. Когда его реально начали строить, оказалось, что в нем никто по-настоящему не заинтересован. Даже те группы (директора, кооператоры, банкиры), которые смогли извлечь выгоду из номенклатурной приватизации, стремились к частной собственности и не удовлетворялись половинчатыми преобразованиями.

Реализовать рыночно-капиталистические взгляды удалось, и именно на этой основе российская экономика перешла от спада к росту. Значение тех преобразований, которые осуществил Гайдар, очень велико. Но ход реформ при этом был далеко не оптимален. Доминирующие группы интересов выступили против финансовой стабилизации, которую планировали осуществить реформаторы. В результате Россия оказалась в плену высокой инфляции, представлявшей собой, по сути, компромисс, который позволял сохранить рыночное хозяйство, удовлетворив (хотя бы временно) группы интересов, стремившиеся пролоббировать себе финансовую поддержку. Подавить инфляцию удалось с помощью формирования системы госдолга, построенной на заинтересованности бизнеса в выгодных вложениях в государственные бумаги. А когда этот интерес исчез, пирамида госдолга рухнула.

Доминирующие группы интересов трансформировали не только финансовую политику, но и приватизацию, которая была осуществлена в пользу трудовых коллективов и директорского корпуса. Но в конечном счете на те предприятия, что представляли интерес для инвесторов, капитал пришел. И эти предприятия смогли обеспечить развитие России в 2000-е гг.

Проблема реформ и особенности исторического пути

Почему Россия испытывала такие трудности при осуществлении рыночных преобразований? Почему позитивный результат выявился так поздно — только в самом конце 1990-х гг., то есть четырнадцать лет спустя после начала перестройки и семь лет спустя после осуществления гайдаровской реформы? Можно ли сказать, что российские трудности

были объективно обусловлены или они зависели от конкретных обстоятельств, сложившихся в ходе преобразований?

Глядя на различные страны, проходившие в эту эпоху путь от административной социалистической экономики к рыночной, мы видим, что он оказался различным. Задачи у всех были примерно одни и те же — либерализация цен и внешнеэкономических связей, финансовая стабилизация, приватизация собственности, реформирование фискальной сферы. Но некоторые страны значительно быстрее смогли их решить и добиться экономического роста, тогда как другие шли к поставленной цели довольно долго, причем рыночная экономика в этих отставших странах по ряду параметров по сей день остается не настолько свободной, как у лидеров реформ. Россия находится и ныне в числе отстающих, так же как большинство государств бывшего СССР.

Личность, культура, исторический путь

Наиболее популярное объяснение столь больших различий в успехах сводится к характеристике персоналий. Говорится о том, что в одних странах реформаторы правильно осуществили преобразования, тогда как в других — допустили множество ошибок. Иногда некоторые комментаторы добавляют к этому и личные уничижительные характеристики. Про государственных деятелей не слишком успешных стран говорят, что они были плохо образованы или сильно коррумпированы. Порой вообще приходят к выводу, что они и не стремились осуществлять серьезные реформы, поскольку на самом деле желали сохранить старый социалистический строй, отказавшись лишь от самых нежизнеспособных его элементов. В общем, получается, что реформаторы не были таковыми на практике. Они либо не могли, либо не хотели осуществлять преобразования, либо под видом преобразований просто набивали себе карманы. Много подобных оценок давалось в адрес команды Гайдара различными советскими академиками из поколения шестидесятников [Авен, Кох 2013, с. 166].

Нет сомнений в том, что от конкретных людей, находившихся на высоких постах, многое зависело. В ходе реформ, тем более таких радикальных, как те, что понадобились странам ЦВЕ, а также бывшего СССР, государственная машина не может действовать сама по себе. Кто-то из лидеров должен найти в себе силы сменить сложившиеся ранее правила игры, заставить чиновников выстраивать новую систему отношений. Требуется проталкивать новые законы, преодолевать сопротивление тех сил, которые не желают перемен. Поэтому личность и подготовленность ре-

форматоров действительно многое определяет. Скажем, чешский реформатор Вацлав Клаус оказался не только квалифицированным экономистом, но и наиболее умелым (среди реформаторов) государственным деятелем, создавшим собственную политическую партию, ставшим главой правительства и завершившим свою политическую карьеру на посту президента страны. В Польше такой многогранной фигуры не нашлось, но там на первых порах имелся альянс лидеров, взаимно дополнявших друг друга. Лех Валенса был харизматиком, приложившим много усилий к тому, чтобы сломать старый режим. Тадеуш Мазовецкий оказался успешным премьером реформаторского правительства. А Лешек Бальцерович как квалифицированный экономист непосредственно осуществлял преобразования. В Венгрии начала 1990-х гг. такого успешного альянса не сложилось, как не нашлось там и фигуры, сопоставимой по значению с Вацлавом Клаусом. Однако успех этой страны определялся тем, что еще в социалистические времена ее лидер Янош Кадар сумел осуществить ограниченные экономические преобразования, которые не получились по разным причинам ни в Чехословакии, ни в Польше, ни тем более в Советском Союзе.

Можно предположить, что проблемы России связаны с отсутствием персоналий подобного уровня на всех этапах преобразований. Леонид Брежнев был по значению фигурой, совершенно не сопоставимой с Яношем Кадаром. Михаил Горбачев, при всем его значении как политика, в экономическом плане оказался плохо подготовлен к роли реформатора. Егор Гайдар являлся ученым примерно такого же масштаба, как Вацлав Клаус и Лешек Бальцерович, но как политики Гайдар и Бальцерович сильно проигрывали Клаусу, если судить по результатам их деятельности на посту лидеров политических партий.

Тем не менее против концепции, делающей упор только на персоналии, говорит то, что серьезные проблемы с реформированием имела не только Россия. Мы видим, что государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, оказались в целом при осуществлении реформ не столь успешны, как государства ЦВЕ. При этом страны Балтии, непосредственно примыкающие к ЦВЕ, смогли в конечном счете справиться с трудностями и догнать лидеров. В итоге все они вступили в Евросоюз, добившись соответствия маастрихтским критериям. А вот Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Казахстан и государства Кавказа совместно оказались в числе отстающих. Обеспеченность природными ресурсами на время создала иллюзию того, что некоторые из этих стран успешны, но в настоящее время проблема недостаточной реформированности так или

иначе сказывается практически на всех. Более того, государства Средней Азии сильно отстали по многим параметрам даже от других постсоветских государств. Сегодня они напоминают, скорее, восточные деспотии, чем республики, вчера еще входившие в состав одной державы вместе с Эстонией, Латвией и Литвой.

Такого рода различия наводят некоторых комментаторов на мысль о том, что между странами существуют сильные культурные различия. Одна культура способствует переходу к рыночной экономике, тогда как другая — не способствует. Россию эти комментаторы относят к странам, где по культурным причинам рыночные преобразования затруднены. При этом одни авторы полагают, что это является серьезной проблемой, тогда как другие, напротив, радуются тому, что Россия никогда не станет такой же страной, как западные государства, и сохранит свою культурную самобытность, определяющую ее преимущества в сфере духа [Травин 2015б]. Среди сторонников культурной детерминированности находятся и профессиональные ученые [Ахиезер 1991; Касьянова 1994; Пайпс 2004; Пивоваров, Фурсов 1997], и влиятельные идеологи различных направлений [Дугин 1999; Кагарлицкий 2012; Панарин 2002; Щипков 2013], и даже некоторые деятели культуры [Кончаловский, Пастухов 2007].

Культурные различия между странами и народами, бесспорно, существуют. В некоторых случаях они, возможно, серьезно влияют на процесс экономических преобразований и на ту систему институтов, которая устанавливается в результате реформирования. Скажем, отличия исламской культуры от христианской столь велики, что проблемы государств Средней Азии вряд ли можно исследовать, игнорируя культурные различия. Однако нет уверенности в том, существуют ли между Россией и странами Запада такие культурные различия, что именно на них мы должны списывать проблемы недостаточной реформированности. Точно так же нет уверенности в том, что (как иногда полагают некоторые аналитики) данная проблема связана с культурными различиями между православными государствами, с одной стороны, и странами западного христианства (католическими, протестантскими) — с другой.

Сравнивать различные культуры вообще довольно сложно. Не снимая данную проблему с повестки дня, стоит все же в первую очередь обратить внимание на другой вопрос. На зависимость хода реформ не от особенностей культуры, а от особенностей исторического пути.

Для начала уточним понятия, поскольку их порой смешивают.

Особенности культуры передаются из поколения в поколение. Например, вместе с религиозными верованиями. Скажем, в исламской культуре

существуют явно влияющие на экономику представления о шариатском суде, о запрете на ссудные операции, о запрете или моральном порицании некоторых видов торговых сделок, об особенностях фискальной системы, включающей налог с иноверцев, налог для помощи бедным [Керимов 1978; Степанянц 1982, с. 183–184; Травин 1995, с. 28–32]. Такого рода особенности могут исчезать или сильно меняться только в процессе секуляризации или же в ходе серьезной трансформации традиционных верований. Это определяет устойчивость культуры. Человек может с рациональной точки зрения не понимать, зачем нужна та или иная особенность национальной экономической системы, но будет ее поддерживать просто в силу того, что считает себя представителем данной культуры.

Особенности исторического пути определяют специфику поведения данного конкретного поколения. Но совсем не обязательно эта специфика будет передаваться от отцов к детям. Например, поколение немцев, жившее после Первой мировой войны, страшно пострадало от гиперинфляции. Это была особенность исторического пути страны, проигравшей войну и вынужденной выплачивать непосильные народу контрибуции победителям. Страны, выигравшие войну или вообще в ней не участвовавшие, такого рода проблем не знали. Ужас гиперинфляции породил обнищание, страх перед экономическим хаосом и резко усилил имевшуюся у немцев склонность к государственному патернализму [Травин, Маргания 2004, кн. 1, с. 463–502; Фергюсон 2012; Bresciani-Turroni 1937; Feldman 1992].

В этих условиях неустойчивая Веймарская республика пала, демократия уступила место тоталитаризму, а затем гитлеровский режим ввел некоторые меры административного управления экономикой. Однако проблемы, характерные для одного поколения, не являлись проблемами немецкой культуры как таковой. После Второй мировой войны победители вели себя иначе по отношению к немцам, что позволило провести рыночную реформу Людвига Эрхарда и выстроить нормальную демократическую систему [Травин, Маргания 2004, кн. 1, с. 541–563; Эрхард 1991; Эрхард 1996]. Дети тех немцев, которые породили гитлеризм, не испытывали желаний восстанавливать вновь нечто подобное в изменившихся коренным образом условиях. Исторический путь Германии «выправился», и экономика выправилась тоже.

«Выправлять» культуру в целях улучшения экономической ситуации довольно сложно, хотя, конечно, возможно. Религиозная реформация в католическом мире и образование протестантской этики содействовали, согласно взглядам Макса Вебера, формированию духа капитализма [Вебер

1990]. Но за этот дух пришлось заплатить кровопролитными религиозными войнами, длившимися в общей сложности более ста лет. Культура сопротивляется переменам, поэтому искусственно форсировать ее трансформацию довольно опасно.

Зависимость от исторического пути сама трансформируется со сменой поколений. Если меняются условия, в которых формировалось поколение «отцов», то поведение поколения «детей» будет определяться совершенно иными рациональными мотивами, как можно видеть, в частности, на примере Германии. Совсем не обязательно условия, в которых формируются новые поколения, будут благоприятны для рынка и демократии. Исторический путь может заводить страну в кризис. Но, в всяком случае, если мы считаем проблемы какой-либо страны порождением специфики ее исторического пути, то это значит, что она может кардинально меняться со сменой обстоятельств.

Исторический путь России

С этих методологических позиций мы можем теперь взглянуть на причины проблем с российскими экономическими реформами. Прослеживается четкая зависимость этих проблем от специфики исторического пути России.

Советская административная экономика выстраивалась со сталинских времен таким образом, что государство мало ориентировалось на реальные потребности людей. Ключевым направлением развития была милитаризация. Считалось, что СССР находится во враждебном капиталистическом окружении и важнейшей задачей для Страны Советов является отражение внешней угрозы.

Потребность в милитаризации обусловила размещение многих секретных производств в малых северных городах, где производство ни при каких обстоятельствах не может быть окупаемым. Другим следствием милитаризации стало ускоренное развитие горнодобывающей промышленности, которая должна была обеспечить ВПК металлом и углем. Если металлургия в рыночных условиях оказалась прибыльным производством, то угледобыча на многих старых шахтах не окупалась и осуществлялась только за счет дотаций государства.

Таким образом, в силу исторической специфики развития СССР со сталинских времен миллионы людей оказались заняты в производствах, которые либо вообще не могут существовать в рыночных условиях, либо существуют, используя государственную поддержку. Несмотря на то что в

некоторых странах ЦВЕ военное производство также было сильно развито, столь гипертрофированного ВПК и столь искаженной структуры экономики, как в Советском Союзе, там не было. Соответственно, при радикальных реформах именно в советской экономике обнаружилось много людей, проигрывавших от преобразований.

Конечно, наряду со всем населением страны они выигрывали благодаря исчезновению такого явления, как товарный дефицит. Но одновременно проигрывали из-за того, что их производство и личная квалификация оказывались совершенно не востребованы рынком. Такие люди не могли заработать деньги на своем собственном предприятии. И часто были не в состоянии уйти на другое предприятие, поскольку не умели делать то, за что при рыночной экономике платят деньги. Многие из них уже в принципе не могли получить иную специальность, так как находились в преклонном возрасте. Наконец, многие из людей, оказавшихся жертвой структурной перестройки экономики, оказывались в совершенно безвыходной ситуации, поскольку проживали в малых городах, где иной работы вообще не было.

То, что эти люди стали противниками реформ и поддерживали лоббистов, требовавших от государства денег, представляло собой совершенно рациональный выбор поведения. Квалифицированный конструктор ВПК в плане культуры, бесспорно, не был отсталым человеком. До начала реформ он мог поддерживать рыночные преобразования, поскольку что-то читал о капитализме, смотрел западные фильмы, слушал «Голос Америки» или «Свободу». Но этот человек потерял в итоге работу не из-за собственной лени, тупости или необразованности, а из-за специфики российского исторического пути. Из-за того, что он в молодости готовился жить в стране, ставящей совершенно иные задачи перед своим населением и потому имевшей совершенно иную структуру экономики и иной спрос на рабочую силу.

Конечно, поведение человека не бывает полностью рациональным. Многие из тех, кто проиграл от реформ, все равно их поддерживали, понимая, что нет иного пути для развития, кроме рынка, и что их дети смогут, наконец, жить в нормальной стране. Но подобное «политическое самоотвержение» представляло собой, скорее, исключение из правила, поскольку с рациональных позиций такой человек понимал, что именно рынок и реформы обрекли его внезапно на нищету. Численность рациональных противников преобразований была в России особенно велика в силу специфики ее исторического пути.

Помимо искаженной структуры советской экономики исторический путь предопределил еще и очень важные для хода реформ ментальные

представления населения. В постсоветских странах (за исключением государств Балтии) так и не сложилось чувство принадлежности к Европе, к европейской культуре. Соответственно, не сложилось ощущение важности присоединения к Евросоюзу как к организации, «легитимирующей» европейскость.

В государствах ЦВЕ, которые раньше входили в социалистический лагерь, такое ощущение в основном сложилось (хотя, естественно, не у всего населения). По-видимому, это стало следствием того, что СССР как «старший брат» долгое время контролировал их жизнь, влиял на формирование руководства «младших братьев» и в результате препятствовал осуществлению самостоятельного выбора своей судьбы: вплоть до ввода войск, как это было в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. Освободившись от советского диктата во времена Горбачева, государства ЦВЕ четко осознавали, что лишь полная принадлежность к Европе, к западному миру может гарантировать им в будущем безопасность, несмотря на близость большого восточного соседа. Вне зависимости от того, действительно ли существовала угроза со стороны России или же она была кажущейся, государства ЦВЕ сделали европейский выбор, и это повлияло на ход реформ, на адаптацию различных групп интересов этих стран к трудностям пореформенной жизни.

В обществе, сплоченном единой целью, противоречия между группами интересов не столь сильны, как в обществе деморализованном. Государства ЦВЕ были объединены целью стать частью Европы (войти в Евросоюз), частью Запада (войти в НАТО) и, таким образом, обеспечить свою безопасность, а также найти свою новую идентичность. В странах Балтии с большой долей русскоязычного населения, переехавшего туда после Второй мировой войны (в Эстонии и Латвии), такой сплоченности не было, но эти «мигранты» в пореформенный период были лишены гражданских прав, и, соответственно, значительно меньше коренного населения могло влиять на политику. А среди самих эстонцев и латышей сплоченность и понимание важности вхождения в Европу были достаточно велики. Таким образом, реформы можно было там проводить эффективнее, чем в России, руководствуясь принципом «сделать все, как в Европе».

Российское общество, напротив, в пореформенный период было деморализовано и плохо понимало общие задачи своей деятельности. Каждый выживал, как мог. Отдельные граждане и отдельные группы населения действовали рационально, максимизируя свою выгоду всеми возможными способами (от поиска хорошей работы до лоббирования своих интересов). Но общего ощущения того, к каким целям стремится Рос-

сия, у людей не существовало. Лишь небольшая, наиболее образованная часть интеллектуалов понимала смысл рыночных реформ и то, что они в конечном счете сделают Россию сильнее. Да и среди них велико было разочарование в том, как власти управляют страной. Основной же массе населения при этом казалось, что коррумпированные правители полностью запутались, не знают, куда идут, или даже сознательно движутся в неправильном направлении, потакая своим личным корыстным устремлениям.

В этой ситуации каждый был сам за себя. Решение общих задач представлялось не слишком актуальным, зато стремление получить хоть что-то в ситуации, когда власти и нувориши тебя грабят, выходило на первый план и определяло особую силу различных групп интересов.

Как возник российский исторический путь

Специфика российского исторического пути становится понятна, если обратиться ко временам правления Сталина и его основным действиям — индустриализации, коллективизации и формированию социалистического лагеря. Анализ демонстрирует, что возникшая в то время экономика тоже во многом оказалась предопределена событиями российского исторического пути.

Как известно, важнейшим действием Сталина в хозяйственной сфере была ликвидация НЭПа. Часто НЭП и сталинскую индустриализацию рассматривают как альтернативы, причем в зависимости от точки зрения комментатора хвалят или ругают «отца народов» за резкий поворот руля.

Сторонники Сталина говорят, что он как эффективный менеджер сформировал эффективную экономику, которая только и позволила Советскому Союзу развиваться, тогда как НЭП был лишь временным отступлением. Однако на самом деле он сформировал экономику дефицита, от которой общество с радостью отказалось, как только рынок стал наполнять прилавки.

Противники Сталина говорят, что именно через НЭП мы могли бы выйти к рынку, двигаясь так называемым бухаринским путем. И в этом смысле сталинский поворот был деструктивен. Однако возможность выхода к рынку через НЭП на самом деле вызывает большие сомнения, поскольку эта политика решала лишь краткосрочную задачу обеспечения голодной страны товарами, но не формировала институтов, необходимых для развития [Травин 2015в].

В НЭП не был встроена никакой инвестиционный механизм. Точнее, сельский кулак или городской нэпман могли, разбогатев, вкладывать

деньги в расширение своего хозяйства, однако не существовало никакого механизма аккумуляирования крупных капиталов, способного заменить капиталистическую систему биржи и акционерных компаний. Трудно представить, как могла бы осуществляться в условиях НЭПа индустриализация исключительно за счет самофинансирования. Крупные инвестиции теоретически могло бы делать государство, но оно вряд ли обладало бы для этого необходимыми ресурсами при том щадящем налоговом режиме, которого требовал НЭП [Эрлих 2010].

Если бы не сталинский переворот, Советский Союз мог бы, наверное, долго существовать с малыми инвестициями, невысокими темпами экономического роста и постепенно «отъедавшимся» после ужасов гражданской войны населением, но этому мешала психология «осажденной крепости», которая формировалась в большевистской среде.

Дело в том, что социалистическая революция, согласно ортодоксальному марксизму, могла осуществиться только как революция мировая. Или, по выражению Льва Троцкого, перманентная [Троцкий 2009, с. 33]. Базой для такой революции являлись развитые индустриальные страны, где производительные силы перерастали производственные отношения. Россия в начале XX века к числу таких стран, бесспорно, не относилась. Однако Владимир Ленин подкорректировал (или, как говорили в советское время, творчески развил) учение Карла Маркса и заявил, что мировая революция может начаться с самого слабого звена в цепи империализма, а затем уже перекинуться в развитые страны. Таким слабым звеном Ленин считал Россию.

Когда социалистическую революцию действительно удалось организовать (1917 г.), встал вопрос о том, что на российской базе следует стимулировать ход мировой революции. Определенные шаги в этом направлении действительно были сделаны. Некоторые шансы на успех имелись в Венгрии и в Германии, а Польша чудом отбилась от армии Михаила Тухачевского (так называемое «Чудо на Висле»). Однако в конечном счете мировой революции не случилось. СССР стал строить социализм в одной стране, но при этом сама теория марксизма-ленинизма никуда не делась. Необходимость стимулировать мировую революцию осталась, и именно этим занимался, в частности, Коминтерн.

Естественно, если советские лидеры и большая масса членов ВКП(б) верили в мировую революцию, то они должны были верить и в то, что мировая буржуазия страшно боится этой революции и хочет любой ценой ликвидировать страну Советов. СССР существовал во враждебном окружении и должен был быть постоянно готовым к тому, чтобы отразить

агрессию [Хоскинг 2012, с. 221–222]. Поэтому в представлениях коммунистических вождей задача накормить народ, которую решал НЭП, была не более важной, чем задача защиты социалистического отечества, которая могла быть решена только с помощью ускоренной индустриализации, лежащей в основе милитаризации страны. Производство вооружений было столь же важно, как производство хлеба. А по мере того, как страна более-менее насыщалась в ходе реализации НЭПа, индустриализация явно выходила на первый план.

Таким образом, большевистское руководство страны никак не могло быть удовлетворено тем медленным развитием, которое обещал НЭП. Требовались крупные инвестиции для того, чтобы осуществить перевооружение. Возможно, с нашей нынешней точки зрения подобный подход представляется военной паранойей, однако советским политикам 1920–1930-х гг. так не казалось.

Самым разумным способом обеспечения нормального инвестиционного развития было бы дальнейшее отступление от коммунистических догм. Надо было не только допустить ограниченную частную собственность в рамках НЭПа, но и приватизировать крупные заводы, привлечь в развитие свободные капиталы деревни, создать хорошие условия для иностранных вложений. Примерно так поступил, например, Китай при Дэн Сяопине, когда встала задача обеспечить быстрое развитие экономики, сильно разрушенной во времена маоизма [Травин, Маргания 2011, с. 601–615]. Но в СССР 1920–1930-х гг. подобный поворот оказался, к сожалению, неосуществим.

Революция к тому времени была еще совсем недавним прошлым. Поколения революционеров даже не успели смениться. Советским Союзом управляли именно те, кто долгие годы боролся с царизмом, сидел в тюрьмах и в ссылке, претерпевал большие лишения, поскольку искренне верил в необходимость коммунистического будущего. Для этих людей возвращение к капитализму было невозможно. Оно обесценивало бы всю их жизнь, отданную борьбе за светлое будущее. Никакие рациональные соображения, связанные с необходимостью развивать экономику, не могли быть оправданы, если означали «возврат в капитализм». На НЭП как временное отступление эти люди еще могли решиться (особенно когда к этому в 1921 г. призывал сам Ленин), но решиться на стратегическое отступление означало признать свое поражение.

Соответственно, для развития экономики был выбран единственно возможный с точки зрения большевистского руководства вариант — мобилизационный. Быстро начала формироваться административная эконо-

мика, ставящая во главу угла предприятия ВПК. Для обеспечения военного производства сырьем, материалами, топливом и инфраструктурой осуществлялась широкомасштабная индустриализация. И эта индустриализация требовала больших ресурсов.

Поскольку рыночным путем добыть ресурсы, необходимые для осуществления такой индустриализации, было невозможно, их стали принудительно изымать в деревне. Это привело к коллективизации и массовому голоду 1930-х гг., связанному с тем, что поставки зерна государству не оставляли хлеба даже для выживания крестьян, его производивших [Гайдар 2005, с. 293–302].

Промежуточные выводы

Исторический путь, во многом определивший ситуацию в пореформенной России 1990-х гг., начался с Октябрьской революции 1917 г. Победа большевиков обусловила необходимость построения административной экономики с сильно развитым ВПК. Такая милитаризация представлялась необходимой для противостояния капиталистическому миру, который хотел (по мнению большевиков) воспрепятствовать ходу мировой революции.

Индустриализация обусловила резкую трансформацию структуры экономики, быстрый переход от доминирования аграрного сектора к доминированию промышленности. Из-за отсутствия свободных ресурсов, необходимых для индустриализации, развитие промышленности обернулось трагедией российской и украинской деревни, откуда эти ресурсы и выкачали.

Созданная таким образом экономика просуществовала до начала горбачевской перестройки. Несмотря на отдельные попытки расширить производство потребительских товаров, структура советского хозяйства в целом оставалась сильно перекошенной в сторону милитаризации и связанных с ней производств. Окупать большую часть этих производств рыночным путем было невозможно.

Горбачевская перестройка «споткнулась» о перестройку структуры экономики. Решиться на радикальную трансформацию хозяйственной системы Горбачев не смог, и в результате структурные проблемы советской экономики обернулись сильной макроэкономической несбалансированностью, опустошившей прилавки магазинов к началу 1990-х гг. Именно с этой проблемой в первую очередь столкнулся Егор Гайдар, начиная свою реформу.

Гайдаровские преобразования встретили сопротивление значительных групп интересов, порожденных той структурой экономики, от которой теперь приходилось отказываться. И необходимость учета влияния этих групп интересов сильно трансформировала ход реформы, создав проблемы, которые не стояли столь остро в странах ЦВЕ, проходивших аналогичные преобразования.

Реформа 1990-х гг. и современные российские институты

Сложившаяся сегодня в России система институтов стала следствием развития страны по описанному выше историческому пути. Специфика пути определила позиции различных групп интересов, вступивших в борьбу за свою интерпретацию реформ. А борьба оказала воздействие на реализацию заложенных в реформы идей. Идеи трансформировались, и практика оказалась далека от теории.

В основе системы институтов, то есть «правил игры», действующих в экономике, лежат представления о частной собственности. Она формирует так называемые инклюзивные институты [Аджемоглу, Робинсон 2015, с. 105], то есть те, которые вовлекают большие группы населения в экономическую активность.

Если государство защищает права собственности, то бизнес (при прочих равных) может чувствовать себя уверенно. Предприниматели стремятся привлекать кредиты, осуществлять инвестиции, планировать свою деятельность на долгосрочную перспективу. Их опыт становится соблазнительным для широких масс населения, и молодые люди хотят реализовать в бизнесе свои идеи, делать карьеру посредством предпринимательства.

Если государство не защищает права собственности или даже пытается изъять у бизнеса деньги под предлогом удовлетворения государственных нужд, капитал сворачивает свою деятельность и бежит из страны (либо уходит в теневую экономику). Предпринимательство перестает быть соблазнительно для подрастающих поколений. Они стремятся реализовать себя в иных сферах деятельности (например, на госслужбе, приносящей высокие доходы), уезжают за рубеж либо уходят во внутреннюю эмиграцию, посвящая свои силы делам, никак не влияющим на сегодняшнее развитие страны.

Позиция государства в отношении собственности во многом определяется позицией общества. Если в нем на долгом историческом пути сло-

жились представления о легитимности частной собственности, о том, что именно она лежит в основе процветания и что ее обязательно надо защищать, государство в целом оказывается склонно поддерживать этот важнейший институт.

Отдельные влиятельные группы интересов, оказывающих воздействие на государство, могут, конечно, действовать против института частной собственности, пытаясь захватывать чужое, но им трудно доминировать, если такая деятельность отторгается обществом. Однако если исторический путь привел общество к мысли о том, что частная собственность нелегитимна, государство может с легкостью экспроприировать чужое имущество в интересах групп, оказывающих на него давление. И общество будет считать, что такого рода «экспроприация экспроприаторов» (как говорили Карл Маркс и Фридрих Энгельс) осуществляется в общественных нуждах.

Иными словами, как отмечает Владимир Гельман, в рамках структурных ограничений, не зависящих от участников процесса, «приоритеты и предпочтения политических акторов, сочетания их ресурсов, стратегий и представлений о возможных шагах друг друга способствуют выбору, направленному на максимизацию собственных выгод» [Гельман 2013, с. 69]. В России в пореформенные годы сложились представления о собственности, которые не благоприятствуют развитию страны, но благоприятствуют максимизации частных выгод. И это не только следствие приватизации, но совокупный результат всего хода преобразований.

Во-первых, как отмечалось выше, реформы стали тяжелым испытанием для слишком большой части населения, поскольку структура советской экономики стимулировала людей заниматься такими видами деятельности, которые оказались не востребованы рынком. Соответственно, эти люди потеряли работу и сохранили далеко не светлые воспоминания об эпохе реформ. В странах с лучшей, чем в СССР, структурой экономики таких граждан, объективно вставших на антиреформаторские позиции, было значительно меньше.

Во-вторых, преобразования растянулись на слишком долгий срок из-за того, что экономические реформы горбачевской перестройки были плохо проведены, вызвали макроэкономическую несбалансированность и потребовали нового этапа преобразований, которые Гайдару пришлось проводить в значительно худших условиях, чем условия, сложившиеся на момент прихода Горбачева во власть. Столь долгий период реформ (в совокупности около десяти лет) привел в растерянность даже многих из тех людей, кто смог адаптироваться к переменам. У граждан, плохо понимав-

ших суть встающих перед страной проблем, могло сформироваться ощущение, что дела по какой-то причине в целом идут не так.

В-третьих, слишком долгим был период высокой инфляции, обесценивавшей как сбережения, так и текущие доходы населения. Финансовая нестабильность препятствовала переходу к экономическому росту вплоть до 1999 г. И это формировало представление, будто бы реформы в целом оказались неконструктивны. Между преобразованиями, осуществленными Гайдаром, и моментом начала роста ВВП оказался слишком большой разрыв во времени, чтобы общество ощутило прямую связь реформ с развитием. Создавалось представление, будто реформы стали причиной инфляции, обесценивания сбережений и общей нестабильности, тогда как развитие экономики началось по каким-то иным причинам, появившимся значительно позже.

В-четвертых, образование крупных капиталов и связанного с этим роскошного образа жизни «олигархов» предшествовало периоду экономического роста. Общество не могло рационально объяснить себе, почему небольшая часть людей богатеет, тогда как положение дел в экономике продолжает ухудшаться. Соответственно, возникало представление о незаконности больших состояний и в целом о нелегитимности частной собственности. Отрицалась не частная собственность как таковая (поскольку в обществе сохранялись представления о том, что хороший хозяин и предприниматель имеют право на богатство), а именно крупная олигархическая собственность, возникшая в России 1990-х гг. Характерно, что такое отрицание не вернуло ностальгии по советской экономике, которое могло бы выразиться в голосовании за КПРФ. Избиратель 2000-х гг. поддерживал status quo, желая сохранить свое положение в рыночном хозяйстве с полными прилавками, и при этом готов был мириться с переделом крупных состояний.

В-пятых, итоги массовой приватизации, несмотря на то что в ней участвовало практически все население России, не смогли обеспечить легитимность частной собственности. Ваучерная часть приватизации многими была воспринята как афера из-за неэффективной деятельности ЧИФов. Что же касается членов трудовых коллективов, получивших в руки не только ваучер, но и реальные акции своих предприятий, то они не смогли понять, почему переход к частной собственности может способствовать развитию. Ведь те предприятия, которые были не слишком привлекательны для инвестора, так и не заработали нормально. Статус акционера мог там сочетаться фактически со статусом безработного. Акционер не получал своего дивиденда, да к тому же одновременно лишался зарплаты.

Такое положение дел показывало, что частная собственность не слишком важна по сравнению с эффективным менеджментом, наличием спроса на продукцию предприятия и государственной поддержкой.

В-шестых, представление о приватизации в известной мере было сформировано даже не массовой приватизацией 1992–1994 гг., а залоговыми аукционами, проведенными перед президентскими выборами 1996 г. в надежде хоть сколько-нибудь улучшить состояние госбюджета за счет привлечения денег олигархов. Закон тогда запрещал продажу ряда крупных государственных компаний, но не запрещал отдавать их в залог. В итоге эти компании (например, знаменитый ЮКОС) перешли в частную собственность, поскольку государство не расплатилось с кредиторами. Об этой сложной схеме так много говорили по телевизору и так много ее критиковали, что для части зрительской аудитории именно она стала символом приватизации. Неудивительно, что когда ЮКОС был экспроприрован государством у Михаила Ходорковского в 2000-е гг., общество восприняло это весьма спокойно. Легитимность частной собственности Ходорковского вызывала большие сомнения.

Таким образом, у российских граждан в 2000-е гг. не имелось рациональных оснований поддерживать частную собственность. Она так и не доказала им своих преимуществ в сравнении с государственной. Советская экономика, основанная на госсобственности, была неэффективной из-за господства товарного дефицита, но и экономика 1990-х гг., основанная на частной собственности, воспринималась как неэффективная из-за отмеченных выше проблем. Лишь небольшая часть хорошо образованных людей представляла важность частной собственности, поскольку тщательно изучала экономику и историю, но требовать таких знаний от большей части российского населения было бы наивно.

К началу 2000-х гг. общество замерло в состоянии неопределенности и ожидало какого-то «знака», помогающего понять, как жить дальше. Если бы экономический рост 2000-х гг. сочетался с укреплением частной собственности, то, возможно, этот институт постепенно прижился бы в России и стал легитимным. Но ситуация развивалась прямо противоположным образом. Экономический рост и повышение реальных доходов шли на базе общего усиления роли государства и увеличения доли госсобственности в сравнении с частной.

О том, как непосредственно соотносятся эти виды собственности в российской экономике, простой гражданин мог, конечно, и не знать, но то, что государство усиливается, он определял по многим признакам. В ряде случаев это было мнимое усиление (например, «олигархические состоя-

ния» в целом сохранились и даже возросли), однако риторика высокопоставленных лиц и информация, идущая с телеэкрана, формировали представление, будто именно государство наводит порядок в стране после безначалия так называемых «лихих 1990-х».

Массовые представления о нелегитимности частной собственности в России привели к двум печальным для развития экономики последствиям.

Во-первых, общество оказалось безразлично к тому, что можно назвать силовым предпринимательством [Волков 2005]. Преступные группировки оказывали воздействие на бизнес, ставя его во многих случаях под свой контроль еще с конца 1980-х гг. Необходимость платить деньги за рэкет снижала эффективность работы бизнеса, увеличивала себестоимость продукции и, соответственно, цену. Такого рода проблемы не являются спецификой российской экономики. На определенных этапах развития они были характерны для многих стран, считающихся развитыми и отличающихся высоким уровнем защищенности собственности. Государство в этих странах постепенно ставило ее под свою защиту. Проблема России состоит в том, что серьезной защиты для бизнеса здесь нет по сей день. Общество реагирует на проблемы собственника по принципу «вор у вора дубинку украл», поэтому и власти могут не реагировать на рэкет.

Во-вторых, криминалитет срастается с отдельными структурами государственной власти. Если рэкет возможен в принципе и не существует механизмов его подавления, то данный вид силового предпринимательства становится соблазнительным для тех, кто обладает наибольшей силой и при этом может прикрываться от закона своим высоким статусом. Силой и статусом в наибольшей степени обладают органы полиции и службы безопасности, а также тот бизнес, который с ними тесно связан. При выходе силового предпринимательства на столь высокий уровень дело не ограничивается отдельными платежами и связанным с этим снижением эффективности бизнеса. Прибыльному частному бизнесу постоянно угрожает опасность получить от силовиков предложение, от которого, как говорил дон Вито Корлеоне в «Крестном отце», нельзя отказаться. Силовики могут потребовать продажи прибыльного бизнеса аффилированным с ними структурам по невыгодной для бизнесмена цене. Подобное положение дел стимулирует предпринимателей своевременно продавать бизнес по приемлемой цене на рынке, а затем выводить деньги за рубеж.

Нелегитимность собственности порождает неэффективность экономики, но это лишь одна сторона проблемы. Если общество не доверяет частной собственности и связанному с ней образу жизни (в первую оче-

редь опоре на собственные силы), то оно должно доверять чему-то иному. Чему-то, определяющему принципиально иной образ жизни. Институтом, который во многом определяет правила игры в современной России, является государственный патернализм. Соблюдение прав собственности мало волнует общество, но его очень волнует право на получение от государства различных благ.

Патернализм не является особенностью России. Он характерен и для современного западного государства всеобщего благосостояния. Однако в современной России общество в большей степени связывает свои надежды именно с государственной поддержкой, поскольку (по отмеченным выше причинам) не может связывать их с частной собственностью и с основанным на ней предпринимательством. Наемный работник не доверяет собственнику, предоставляющему ему работу. Сам собственник не уверен в сохранности своего бизнеса в долгосрочной перспективе. Но при этом у населения страны появилось в 2000-е гг. основание доверять государственному патернализму.

В 1990-е гг. такого основания еще не было, но затем произошел перелом, связанный с ростом цен на нефть. Дорогая нефть стимулировала рост экономики и, соответственно, реальных доходов населения. Государство с помощью системы информации и пропаганды «прихватизировало» этот рост, представило его своей собственной заслугой. Естественно, если бы не высокие цены на нефть, у него такой возможности не появилось бы.

Система государственного патернализма представляет собой сложную вертикаль, на различных «этажах» которой находятся желающие получить поддержку претенденты «разной весовой категории».

Верхний этаж — это дотационные регионы (субъекты Федерации), каковых в России подавляющее большинство. Неспособность сводить концы с концами в региональном бюджете означает для них необходимость активно лоббировать свои интересы в правительстве и парламенте. В зависимости от того, насколько успешно лоббирование, будут изменяться уровень жизни в регионе и возможность региональных «баронов» участвовать в коррупционных схемах.

Средний уровень — это бизнес (в том числе государственный), который претендует на госзаказы и различные виды бюджетной поддержки. Иметь дело с государством для бизнеса во многих случаях выгоднее, чем предлагать продукцию на рынке. Госзаказы позволяют значительно завышать издержки и получать таким образом дополнительную прибыль по договоренности с чиновниками, контролирующими данный процесс.

Нижний уровень — это широкие слои населения, жизнь которых в конечном счете зависит от бюджета: военнослужащие, полицейские, чиновники, учителя, врачи, профессора, работники культуры, пенсионеры... В современных российских условиях они не столь активны в лоббировании, как акторы верхнего и среднего этажей, но их поддержка на выборах принципиально важна для самого существования системы государственного патернализма.

И наконец, в целом работоспособность всей системы определяется неопатримониальными (по выражению Владимира Гельмана) политическими институтами, преднамеренно созданными в интересах правящих групп и призванными закрепить их политическое и экономическое доминирование» [Гельман 2015, с. 7].

Вывод

Гайдаровская реформа строилась на базе рыночно-капиталистических **Идей**, но осуществлялась под воздействием доминирующих групп **Интересов**. Их структура определялась спецификой российского **Исторического пути**. Благодаря этому реформы в целом удались и сформировали рыночные **Институты**, хотя совсем не в том виде, который соответствовал бы чистоте первоначальных **Идей**. Новые **Институты** породили новые группы **Интересов**, доминирующих в сегодняшней России. Они определяют развитие **Исторического пути**. На этом пути группы **Интересов** постоянно трансформируются. Соотношение сил между ними меняется. Очередные реформы могут произойти, если доминирующие группы **Интересов** перестанут быть заинтересованы в сохранении нынешней системы **Институтов**. Данная трансформация может быть ускорена, если новые поколения будут развиваться под воздействием новых **Идей**, как это было в прошлом с шестидесятниками и семидесятниками.

PS. Есть еще пятое **И** — массовые **Иллюзии**, формирующиеся на базе нереализованных **Идей** и неудовлетворенных **Интересов**, причем сильно влияющие на **Исторический путь**. Но это уже отдельная тема.

Литература

- Авен П., Кох А.* Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- Аганбегян А.* Научно-технический прогресс и ускорение социально-экономического развития. М.: Экономика, 1985.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
- Андрянов В.* Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта: В 2 тт. М.: Издательство ФО СССР, 1991.
- Бунич П.* Хозрасчет и налоговые регуляторы // Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы. М.: Экономика, 1988.
- Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Васильев С.* Хозяйственные реформы в Югославии: развитие и кризис экономического самоуправления. СПб.: СПбФЭИ, 1991.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вишневская Г.* Галина. История жизни. СПб.: Библиополис, 1994.
- Волков В.* Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. Издательство ГУ ВШЭ, 2005.
- Восленский М.* Номенклатура. М.: Захаров, 2005.
- Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
- Гайдар Е.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гайдар Е.* Смуты и институты // Гайдар Е. Власть и собственность. СПб.: Норма, 2009.
- Гайдар Е., Чубайс А.* Развилки новейшей истории России. СПб.: Норма, 2011.
- Гельман В.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- Гельман В.* Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Гельман В., Травин Д.* «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектория реформ // Неприкосновенный запас. 2013. № 4.

- Герман М.* Сложное прошедшее. СПб.: Искусство, 2000.
- Гилман М.* Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009.
- Горбачев М.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995.
- Горбачев М.* Наедине с собой. М.: Грин стрит, 2012.
- Грачев А.* Горбачев. М.: Вагриус, 2001.
- Дедков И.* Дневники. 1953–1994. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.
- Дмитриев М., Травин Д.* Российские банки: на исходе золотого века. СПб.: Норма, 1996.
- Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.
- Илларионов А., ред.* Российские экономические реформы: потерянный год. М., 1994.
- Илларионов А.* Как был организован российский финансовый кризис // Вопросы экономики. 1998. № 12.
- Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и ее миросистема. М.: Либроком, 2012.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Керимов Г.* Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978.
- Кончаловский А., Пастухов В.* На трибуне реакционера. М.: Эксмо, 2007.
- Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997.
- Костиков В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: Вагриус, 1997.
- Красухин Г.* Комментарий. Не только литературные нравы. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика // Вопросы экономики. 1998. № 12.*
- Кудров В.* Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя, 2007.
- Млечин Л.* Брежнев. М.: Проспект, 2005.
- Мороз О.* Так кто же расстрелял парламент? М.: Русь-Олимп, 2007.
- Немцов Б.* Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007.
- О коренной перестройке управления экономикой: сборник документов. М.: Политиздат, 1987.*
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство, 2013.
- Ослунд А.* Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. М.: Логос, 2003.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
- Панарин А.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система // Политическая наука. 1997. Вып. II, III.

Полетаев А., ред. Обзор экономической политики в России за 1998 год // Бюро экономического анализа. М.: РОССПЭН, 1999.

Румянцев А., ред. Политическая экономия. Учебник для экономических вузов и факультетов. Т. 2. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства. М.: Политиздат, 1977.

Рыжков Н. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.

Сакс Д. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1995.

Степанянц М. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М.: Наука, 1982.

Травин Д. Пути реформ. СПб.: Звезда, 1995.

Травин Д. Путинская Россия: от рассвета до отката. СПб.: Дело, 2009.

Травин Д. Очерки новейшей истории России. Кн. 1: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

Травин Д. Семидесятнугые — анализ поколения. Препринт М-25/11. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д. Как семидесятники создали Россию // Звезда. 2015(а). № 1.

Травин Д. Теории особого пути России: классики и современники. Препринт М-43/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015(б).

Травин Д. Россия на европейском фоне: причины отставания. Как Сталин переменял нам вехи // Звезда. 2015(в). № 4.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 2. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004.

Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011.

Травина Е. Ностальгия по настоящему. Миф семидесятников о Западе // Нева. 2009. № 11.

Травина Е., Травин Д. Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе // Звезда. 2010. № 7.

Троцкий Л. Перманентная революция. СПб.: Азбука-классика, 2009.

Трудолобов М. Люди за забором: частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство, 2015.

Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск: Попурри, 2012.

Фетисов Т., сост. Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.

Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Цаголов Н., ред. Курс политической экономии. Т. II. Социализм. М.: Экономика, 1974.

Черняев А. Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008.

Чубайс А., ред. Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999.

Чурбанов Ю. Мой тесть Леонид Брежнев. М.: Алгоритм, 2007.

Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.

Щипков А., сост. Перелом. Сборник статей о социальной справедливости. М.: Пробел-2000, 2013.

Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2010.

Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Начала-пресс: 1991.

Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М.: Наука-Ордынка, 1996.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Ясин Е. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2003.

Adžes J. Industrial Democracy: Yugoslav Style. London, 1971.

Bresciani-Turroni C. The Economics of Inflation. A Study of Currency Depreciation in Post-War Germany. 1914–1923. New York, 1937.

Feldman G. The Political Economy of German's Relative Stabilization During the 1920/21 World Depression // The German Inflation Reconsidered — a Preliminary Balance. Berlin; New York, 1992.

Gel'man V., Margania O., Travin D. Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000. Generations, Ideas and Changes. Lanham, 2014.

Hough J. Soviet Leadership in Transition. Washington, D.C., 1980.

Sirc L. The Yugoslav Economy under Self-Management. New York, 1979.

Zubok V. Zhivago's Children. The Last Russian Intelligentsia. Cambridge, Mass. and London, 2009.

Zukin S. Self-Management and Socialization // Yugoslavia in 1980s. London, 1985.

Дмитрий Травин

Гайдаровская реформа четверть века спустя:
что пошло не так?

Препринт М-48/16

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 28.03.16
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

